

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Хосе Карлос Сомоза

КРОАТОАН

18+

«Кроатоан» — мастерски написанный атмосферный роман, напряженный, заставляющий читателя задуматься.

Удовольствие гарантировано.

New York Times

Хосе Карлос Сомоза

Кроатоан

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66560996

Кроатоан : роман / Хосе Карлос Сомоза: Азбука; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-389-20246-7

Аннотация

Хосе Карлос Сомоза – один из самых популярных испанских писателей, лауреат премии «Золотой кинжал» и множества других литературных премий (*Silver Dagger Awards u Gold Dagger Awards, Nadal Prize, Cervantes Theatre Prize, Café Gijon Prize*).

В романе Сомозы «Кроатоан» происходят странные события. 6 сентября (в недалеком будущем) мир сходит с ума: люди и животные, змеи и насекомые целыми колониями идут, ползут, летят – в едином ритме, единым телом – сквозь города, леса, горы и болота. Любые встреченные на пути живые существа либо вливаются в зловещее шествие, либо гибнут на месте. Правительства разных стран, полиция, ученые, журналисты теряются в догадках, не понимая, что происходит, ибо тотальной эпидемией охвачена почти вся планета. Гаснут экраны телевизоров, перестает действовать связь. Грядет исчезновение всех форм цивилизации. Этот апокалипсис

предвидел профессор Карлос Мандель, специалист по поведению животных, покончивший с собой два года назад. Перед смертью он запрограммировал отправку нескольким близким людям, в том числе своей ученице, биологу Кармеле Гарсес, сообщения, которое могло бы помочь изменить ход этих ужасных событий. Но удастся ли им понять этот сигнал, ведь сообщение состоит из единственного слова – «Кроатоан»? Эта надпись была найдена на далеком острове, где в шестнадцатом веке таинственным образом исчезло все население...

Впервые на русском!

Содержание

1. Начало	6
2. Обсерватория	11
3. Сообщение	24
4. Звонок	37
5. Видео	54
6. Допрос	69
7. Манифестация	94
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Хосе Карлос Сомоза Кроатоан

В декабре 1872 года бриг «Мария Селеста», плывший из Нью-Йорка в Геную, был обнаружен дрейфующим в Атлантическом океане. Вся его команда исчезла.

В 1930 году эскимосский город Ангикуни в Канаде оказался полностью заброшен. Более тысячи жителей бесследно исчезли.

Почти четыре столетия назад, в августе 1590 года, сто тридцать поселенцев из Роанока (в настоящее время штат Северная Каролина, США) исчезли навсегда.

Но в этом последнем случае удалось кое-что обнаружить. На дереве в центре поселка кто-то вырезал слово «Кроатоан».

1. Начало

– Не уходи далеко, Санти, – говорит папа.

– Ладно.

Последнее, что слышит Санти, – это мамины рассуждения: она не знает, что старее – этот велосипед или эта машина, а папа отвечает: «Мне вот больше лет, чем велосипеду и машине, ты что – и мужа нового хочешь?» Смех. Сара что-то пищит. Наконец пропадает и голос его младшей сестры, остаются только звуки природы.

Вооружившись лупой и фотоаппаратом, Санти осторожно спускается по склону горы, готовясь к встрече с дикой жизнью. София и Сара называют это «игрой», но отец относится к его занятию вполне уважительно. Как и всегда, когда они выезжают на пикник, папа разрешает Санти погулять в одиночку, чтобы наблюдать и фотографировать необычных животных. К десяти годам у Санти в компьютере накопилась неплохая фотоколлекция насекомых, птиц и червяков. Сара говорит, что они «мерзкие», но Санти с ней не согласен. Это просто животные. «Для насекомых ты тоже мерзкая», – однажды ответил он сестре. Поднялся крик, детей утихомирил папа. То, чем занимается Санти, – это «наука». Кто знает, быть может, в будущем его работа будет связана с чем-то подобным. Папа – учитель в той же школе, где учатся Санти и его сестры, и хотя он преподает историю в старших клас-

сах, ему нравится, когда его дети совмещают учебу с развлечением. О чем думать не так весело – это что сейчас начало сентября и до нового учебного года остается лишь неделя, каникулы заканчиваются у всех, даже у папы. Поэтому этот день в горах – как будто прощание с летом. И конечно, Санти не откажется от своей научной экспедиции.

В конце горного склона его ждет впадина, а потом еще один хребет, не такой обрывистый, с тонкими стволами берез. Одна из берез упала, образовав мостик между двумя хребтами, и Санти переходит по нему, удерживая равновесие, как будто под ним – бездонная пропасть. Он поднимается по новому склону и замечает на откосе густонаселенный муравьиный город. Но в коллекции Санти муравьев уже достаточно.

Мальчик наблюдает за ними через лупу. Захватывающее зрелище! Никакая игрушка с этим не сравнится. Их антенны, их слепое упорство! Вечное движение. Два муравья как-то ухитряются волочить мертвого скарабея. Вот это действительно заслуживает снимка.

Пока Санти настраивает фотоаппарат, за его спиной неожиданно раздается шелест. Это вспорхнула птица. Сорока. Мальчик фотографирует муравьев и продолжает путь.

Санти замечает ямку под деревом. Это точно чья-то нора. Может быть, ее вырыли кроты, зайцы или даже крысы. Санти наклоняется и внимательно изучает нору. Он готов ко всему. Тонкая паутина на входе дрожит под ветром, как занавесь

на открытой двери. А дальше за ней ничего не видно. Там слишком темно.

Подождав несколько минут, мальчик решает двинуться дальше. Конечно, он нервничает, но за это ему перед собой стыдно. Он же идет не по глухому лесу, а по Мадридской сьерре, в окрестностях Ферруэлы, совсем рядом – кемпинг. Сейчас полдень шестого сентября и повсюду вокруг – цивилизация. К тому же Санти в любой момент может вернуться на поляну, где его семья устраивает пикник. Он зашел не слишком далеко. Вот о чем думает Санти, когда замечает что-то необычное на соседнем кусте.

Санти Химено не верит собственной удаче. Это насекомое-палочник. Их очень трудно заметить, потому что они маскируются, притворяясь веточками. Этот палочник сидит на большом листе, его легко можно принять за остро отточенный зеленый карандаш. Санти с упоением рассматривает его сквозь лупу и делает несколько снимков. Насекомое пребывает в неподвижности, словно чего-то ждет.

Санти потратил слишком много времени, любясь чудесной находкой, поэтому он принимает решение вернуться, пока родители его не хватились. К тому же он возбужден, ему не терпится показать фотографии. Санти спускается с горы, переходит через провал и начинает второй подъем. Не слышно ничьих голосов, не слышно даже запыленной Сары. Наверно, все уже обедают. Машина служит ему ориентиром. Отец припарковался на поляне возле деревянного стола

с лавками, поставленного специально для пикников на свежем воздухе, белую крышу автомобиля хорошо видно сквозь ветки. Семья и раньше приезжала в Ферруэлу, но этот уголок они выбрали впервые. И выбор оказался просто замечательный!

– Папа, мама, я видел палочника! – кричит Санти.

На поляне никого нет.

На деревянном столе – скатерть и тарелки. Багажник «ситроена» открыт, к машине прислонен велосипед Санти. Папин велик (он повыше, и скоростей у него больше) упал на землю. Мамина кожаная куртка висит на складном стуле и колышет на ветру пустыми рукавами, словно обращаясь к нему: «Прощай, Санти» или, быть может, «Санти, иди сюда». Со стола разлетелись бумажные салфетки, осталась только одна, прижатая бутылкой кока-колы. Жареный цыпленок, главное лакомство в загородной поездке, до сих пор томится в полиэтиленовом пакете, а салат – в закрытой миске. На стуле – айпод Софии, его старшей сестры.

Санти зовет – никто не откликается. Куда они все могли подеваться? Поляна окружена деревьями, но за машиной видна стена, идущая вокруг кемпинга. Может быть, они туда пошли? Встретили кого-то из друзей и отправились в гости? Санти бежит к стене, не переставая кричать:

– Мама! Папа! Софи! Сара!

Стена очень длинная, но и возле нее никого нет.

– Мама! Папа! Софи!

На поляне ничего не изменилось. Более внимательный осмотр показывает, что разложены не все столовые приборы: рядом с папиной тарелкой лежат пластиковые нож и вилка, рядом с маминой – тоже, у Софии – только нож, у него и у Сары приборов вообще нет, а остальные вилки и ножи свалены кучкой посреди стола.

– Мама! Папа!

У «ситроена» с маминой стороны приоткрыта дверь. Санти заглядывает внутрь, но видит только обернутые пищевой пленкой бутерброды и бутылки с напитками.

Санти возвращается к столу, оглядывается по сторонам.

– Мама!

Он и сейчас не хочет впадать в панику. Вокруг безмолвные деревья. Облака наплывают на солнце. Папа, когда выходил из машины, говорил, что надеется провести этот день без дождя.

Санти намечает новое направление поиска. Крики его слышны вдалеке. Потом – тишина. Потом еще крики. Потом – тишина.

На поляне никого нет.

2. Обсерватория

Свет внезапно гаснет.

– Вашу мать, – говорит Кармела Гарсес.

Сквозь прямоугольное окошечко проникает совсем мало света. Теоретически, в обсерватории есть генератор, и, тоже теоретически, Дино должен его запустить, но самого Дино в обсерватории, кажется, нет.

В детстве темнота сильно пугала Кармелу. В тридцать четыре года она по-прежнему не любит темноту, но у тебя, в сущности, нет выбора, если ты желаешь пользоваться обсерваторией этологии при Мадридском центре экосистем. Перебои с электричеством, с водой, с интернетом. Ситуация осложняется еще и тем, что начальство больше не заинтересовано в сохранении этого места.

Кармела смотрит на черный экран компьютера, за которым она только что работала. У всех трех компьютеров предусмотрены аварийные аккумуляторы, но они давно требуют замены. А на это тоже нет ни денег, ни доброй воли. К счастью, все, что Кармела успела добавить в свою статью о поведении животных в неволе и в дикой природе, должно было сохраниться.

В этот раз отключение света продолжается чуть дольше. Пока глаза Кармелы привыкают к относительной темноте, она слышит за спиной какой-то шум. Резкий и необычный

шум. Полумрак как будто усиливает звуки. Волосы на затылке у девушки встают дыбом, но через секунду она улыбается и начинает рассуждать вслух:

– Шум доносится... с юга. Дистанция – полтора метра. Время... – Она сверяется с наручными часами, – двенадцать часов семнадцать минут, шестое сентября. Разновидность: треск. Возможная причина...

В этот момент свет возвращается. Компьютер, свистнув, как чайник, включается, на клетках с животными загораются лампы дневного света. Снаружи доносится лай Мича – это немецкая овчарка Дино, сторожа при обсерватории. Пока документ заново загружается, Кармела разворачивается вместе с креслом.

Шесть белых лабораторных крыс жмутся по углам шести стеклянных клеток. Их жадные глазки смотрят на Кармелу.

– Возможная причина – вы, проשמандовки.

Наступает тишина. Даже Мич перестал лаять. Кармела медленно встает. Ее худоба прямо-таки граничит с истощением, но благодаря малому росту девушка выглядит скорее уменьшенной, чем тощей. Как будто могущественные колдуньи превратили ее в макет самой себя. Самое привлекательное в Кармеле – конечно же, ее ангельское, с чувственными губами и большими глазами лицо в обрамлении каштановых волос, собранных в хвостик. Одет Кармела в футболку и джинсы. Когда она наклоняется над первой клеткой, под футболкой становятся различимы маленькие округлости.

– Ну что вы натворили, мерзавки, признавайтесь...

Кармела – девушка робкая и сдержанная, можно даже сказать – трусиха. Говорит всегда тихо, как будто опасается рассердить собеседника. В школе, где Кармела преподает биологию, ее называют Куколкой и считают выпендренницей, но в целом любят, потому что она никого не заваливает.

Кармела проходит вдоль клеток, присматриваясь не только к питомцам, но и к их подстилкам, и к мисочкам с водой. Все как будто на местах. И с полок тоже ничего не упало.

– Я вас застукала. Я описала ваше поведение по методу профессора Манделя: «направление шума, расстояние, время, возможная причина»! – Кармела улыбается. – Отпираться бесполезно. Признавайтесь, что вы натворили?

Крысы большие, с белой шерсткой, толстыми розовыми хвостами и красноватыми хомячьими глазками. Их мордочки подрагивают, крысы неумоимо вдыхают запах Кармелы. Дино о них заботится и кормит, поддерживает в хорошем состоянии даже за счет собственного кошелька. И благодарные крысы лоснятся, как соболя.

Кармела склоняется над последней клеткой. Она не обнаружила ничего необычного ни в животных, ни в клетках, хотя и была убеждена, что шум исходил от крыс. То, что шесть толстых грызунов сообщают о своем присутствии, – это нормально, однако данный конкретный случай пробудил задремавшее любопытство Кармелы, вот только не совсем понятно, чем именно.

– Проанализируйте плюсы. Мы все живем взаперти, но вам достается бесплатная еда, а я ради еды вынуждена работать. И не думайте, что, изучая ваше поведение, я могу заработать себе на хлеб. Так что не считайте себя такими уж незаменимыми, вы шестеро.

Что-то в словах Кармелы заставляет ее задуматься.

– Шестеро... – повторяет девушка, так и не разогнув спины, а потом переводит взгляд на соседние клетки. – Вы шумели все вместе. Среди вас нет зачинщика, поскольку виновны вы все. Кажется, есть такой детектив, где все подозреваемые оказываются виновны в убийстве?..

Кармела смотрит на ряд выключателей. Она распрямляется и выключает все лампы. Шесть клеток погружаются во тьму, их белые обитатели движутся как привидения. Повинуясь интуиции, Кармела зажигает во всей лаборатории ультрафиолетовое освещение.

И тогда становятся различимы свежие влажные пятна.

Этологическая обсерватория представляет собой круглый бункер, спрятанный среди кустов; верхний этаж сделан из деревянных досок; через узкие оконца каждое утро врывается почти ослепительный свет. На этом ярусе располагаются оптические приборы, прикрытые пластиковыми чехлами, – они нужны для наблюдения за птицами и насекомыми, а также за оленями, кроликами и белками. Этот пункт в горах к востоку от Навасеррады, прямо напротив леса Альбер-

че, – идеальное место для длительных наблюдений. Нижний этаж, коробка в коробке, выстроен из бетона и предназначен для многодневного пребывания двух или трех наблюдателей. Здесь имеется маленькая лаборатория с шестью клетками, с кое-какими препаратами и простейшими инструментами для опытов, а также три компьютера. Другой сектор нижнего этажа этологи между собой называют гостиной: там есть складная кровать, микроволновка и холодильник. Сектора соединяются прихожей, с одной стороны – туалет, с другой – крошечная кладовка. В гостиной обретается Дино Лиццарди, когда приезжает, чтобы прибраться, накормить и обиходить питомцев перед посещением очередной группы студентов или ученых.

Дино – это огромный мужлан под два метра ростом, с клокастой бородой и начинающейся лысиной, лет ему за сорок. Для Кармелы Дино – как конспект всей ее профессиональной жизни: когда девушка училась на биологическом, Дино работал там сторожем, а еще сантехником и электриком. Всегда хочется, чтобы такой мужчина был рядом, когда у тебя что-то ломается: водопровод, предохранители или романтические отношения. С последним у Кармелы просто беда, но Дино для починки не годится.

Вот и он, уже на пороге; она встречает гиганта в коридоре. Дино одет в анорак-безрукавку поверх клетчатой рубашки; он потирает большие ладони. Мич бросается под ноги хозяину с виноватым видом, склонив голову. Щеки Дино над бо-

родой – как два красных персика.

– Холодно! – Он потирает руки.

– Чуть-чуть, – соглашается Кармела и снимает с вешалки свою куртку.

– Ну, скажем так, холодно для начала сентября! – Дино произносит каждую фразу так, как будто с ним кто-то спорит. Голос у него громовой. На самом деле трудно отыскать двух менее похожих людей: Кармела с мягким голосом, с привычкой изъясняться шепотом и Дино с его манерой сражаться за каждое сказанное слово. – Чего ты с ним цацкаешься, Кармела?! У, несносный зверь!

Кармела улыбается, поглаживая Мича, вид у пса до сих пор пристыженный.

– Но почему, Дино? Он очень хороший.

– Он хороший? Он здесь напрудил. *Ессо!*¹ – Дино тычет своей ручищей в угол. – В прихожей! А я его учил – снаружи! Плохой пес!

Кармела накидывает на шею платок. Через приоткрытую дверь в гостиную она видит ноутбук Дино, на экране новости последнего часа о трагедии самоубийств в Бенаресе (это Индия), а еще она видит журналы с фотографиями голых девиц. Дино зашел в ванную помыть руки.

– Не ругай его, он такой не один, – робко просит Кармела.

– Что?

– Дино, ты чем кормишь крыс? Ты что, сменил марку кор-

¹ Вот! (*ит.*)

ма?

– Марку корма? Нет. Жрут, что всегда. Иногда добавляю фрукты. Почему ты спрашиваешь?

– Ты не слышал, может быть, Алехо проводил какой-нибудь опыт со стробоскопическим освещением?

Алехо Эстевиль – приглашенный профессор в Мадридском университете Комплутенсе. Кармела знает, что он проводит на крысах эксперименты с прогрессирующим параличом, вводя им тетродотоксин, но, может быть, теперь он затеял новое исследование. Подпись Эстевиля стоит на петиции, которую они вместе послали в министерство, протестуя против закрытия обсерватории.

– Нет, – отвечает Дино. – К тому же он уже две недели сюда не заглядывал.

– Тогда у крыс, вероятно, случился коллективный спазм.

– Чего?

– С ними случился какой-то припадок, и все они обмочились, более-менее одновременно, – рассказывает Кармела, застегивая куртку. Ее мягкий голосок обладает способностью обуздывать порывы Дино, тот в ответ тоже начинает говорить шепотом.

– *Capisco*².

– Самое вероятное объяснение – это что их обучили одинаково отвечать на одинаковые стимулы, в данном случае – на отключение света. Вот как выразился бы этолог.

² Понимаю (*um.*).

– Я... Уж точно не я заставил их обоссаться.

– Извини, я не имела в виду, что это ты их заставил.

Проблема Кармелы в том, что она не может понять, когда Дино шутит, а когда говорит всерьез. Кармеле с ним и хорошо и тревожно – все вместе. С тех пор как его мадридская жена умерла после долгой болезни, внутри Дино-весельчака появился еще и Дино-трагик, и он иногда выглядывает из-за маски – вот как об этом судит Кармела.

– Та-а-ак... Профессор Кармела... – На нее нацелился здоровенный палец. – Я пошутил! Нельзя прикалываться над Дино Лицарди! – Он хлопает ее по плечу.

Хрупкая фигурка Кармелы сотрясается:

– Нет-нет, я не прикалываюсь.

На стене рядом с дверью висит плакат:

ЭТОЛОГИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

Ниже изображен пузатый кот с довольной улыбкой, разлегшийся на кушетке психоаналитика; возле кушетки – этолог с блокнотом и карандашом. А рядом с котом на кушетке Дино пририсовал себя – еще более толстого и довольного.

– И не о чем тебе волноваться! – кричит Дино с порога, когда Кармела уже выходит из обсерватории в бледно-серую сьерру и открывает дверь машины. – Не ты же чистишь клетки!

Посреди молчаливой сьерры шум мотора звучит как оскорбление. Кармела разворачивается и начинает спуск по

дорожке вдоль леса Альберче. За спиной у нее горный хребет, вид потрясающий. В зеркале заднего вида уменьшенный Дино скрывается за дверью обсерватории. Его последнюю фразу Кармела расценивает как наглость. Но конечно же, это не было наглостью. Просто у Дино такой странный юмор. Профессор Мандель, ее знаменитый, любимый, безвременно ушедший профессор Мандель, сказал бы, что поведение Дино предполагает несколько способов интерпретации. К тому же, когда ты знаешь, что скоро лишишься своей жалкой низкооплачиваемой работы сторожа и «мастера-на-все-руки» при университете – она исчезнет вместе с обсерваторией и, быть может, с самим Центром экосистем, – тебе поневоле хочется стать ядовитым.

Кармела знает это по себе.

День, несмотря на причудливые облака, выдался хороший. Надевая солнечные очки и ведя «форд» в сторону шоссе Кольядо-Вильяльба, Кармела улыбается: лучшее в этом дне – это что сейчас еще каникулы, пока не начались эти ужасные уроки, которые она ведет в этой ужасной школе, чтобы зарабатывать на жизнь. Вечер она посвятит домашним делам, а потом, может быть, примет неоднократно повторенное приглашение Энрике Рекены, директора Центра экосистем, и наконец поужинает с ним в индийском ресторанчике. Рекена – немолодой разведенный кабальеро, и он ей нравится, и Кармела знает, что это чувство взаимно. Благодаря ему Кармела до сих пор продолжает заниматься этологией, со-

храняя верность истинному призванию. Энрике рыцарственен и любезен, полная противоположность Борхе.

К счастью.

К счастью?

Телефон Кармелы лежит рядом. В машине тихо. Время от времени Кармела поглядывает на экран, словно надеясь увидеть ненавистное имя.

Ты как будто этого хочешь, – говорит себе Кармела, но качает головой.

То, что было у них с Борхой Янёсом, закончилось навсегда. Он не имеет права подходить к ней ближе чем на пятьсот метров – таков приговор судьи. По счастью, детей им делить не нужно. Однако в приговоре ничего не сказано о телефонных звонках, и Борха имеет наглость иногда ей звонить, но если такое будет продолжаться, Кармела снова обратится в полицию. Их с Борхой больше ничего не связывает, эта глава закончилась.

Тишина на монотонном шоссе навевает скуку. Кармела переключает радиоканалы. Манифестация протестующих в Лондоне встала лагерем в Гайд-парке, ее окружает усиленный кордон. Отдельные группы экологов воспользовались этой манифестацией, чтобы обвинить британское правительство в секретных ядерных испытаниях на западном побережье Австралии, совместно с австралийским правительством. Запрещенными испытаниями они объясняют экологическую катастрофу, которая привела к гибели тысяч рыб

в бухте Манки-Миа. Теория коллективного самоубийства в Бенаресе себя не оправдала, теперь власти списывают все на вспышку геморрагической лихорадки. «Горячие зоны» оцеплены, индийцы просят помощи у международного сообщества. Что творится в мире!

Кармела нажимает автонастройку каналов; когда она уже готова смириться с тишиной в машине, радио, как и всегда в последний момент, находит для нее спасательный круг в воде мадридского канала «Твоя музыка FM». Это маленькая независимая радиостанция, созданная, чтобы транслировать песни и яростные обвинения в кризисе и политической дегенерации страны. Акустические гитары и барабан как будто созданы, чтобы отгонять дурные мысли. Кармела выстукивает ритм указательными пальцами по рулю. Кажется, это новая версия старой песни «Guns N'Roses». В студенческие годы, когда они с Борхой изучали зоологию, они много слушали эту группу. В те времена они были вместе.

Но все прошло. Борха не вернется, как не вернутся и те студенческие годы.

Телефон на торпеде начинает звонить. Кармела делает радио потише и отвечает – сначала посмотрев, кто это.

– Кармела? – Вежливый официальный голос Энрике Рекены.

– Да, Энрике, привет.

– Где я тебя застал?

– Я за рулем, возвращаюсь домой. Недавно из обсервато-

рии.

– Трудолюбивая девочка.

Кармела улыбается. Приятно слышать этот ровный, почти дикторский голос. Рекена – мужчина, к которому ее влечет, это определено, и это никак не связано с ее потребностью в любимой работе.

– Послушай, – говорит Энрике. – Я тут подумал, почему бы тебе ненадолго не заехать в Центр. Хочу тебе кое-что показать.

Слушая Энрике, Кармела замечает, что музыки больше нет. Она прибавляет громкость, подстраивает волну, но ничего не слышит.

Радио в ее машине так просто не сбивается с волны, так бывает, только если на пути у сигнала появляются какие-то препятствия. Однако сейчас машина едет по открытой местности, приему сигнала ничего помешать не может.

Это вообще не похоже на помехи. Из колонок до Кармелы долетают далекие шумы. Она делает вывод, что это на станции возникли неполадки. И выключает радио.

– Кармела?

– Да, Энрике, извини, я здесь.

– Я спрашивал, найдется ли у тебя время.

Кармела обдумывает просьбу Энрике. Звучит как предложение дополнительной работы. В Центре экосистем знают, что девушка пользуется обсерваторией и ресурсами Центра, и поэтому не стесняются нагружать ее мелкими поручени-

ями: прочитать работу какого-нибудь стажера, помочь с отчетом про утечку отходов... Энрике так поступает без злого умысла; Кармела даже подозревает, что единственный его умысел состоит в том, чтобы почаще с ней встречаться.

– Энрике, а можно отложить до завтра? Или до вечера, если хочешь. Сейчас почти два. Я устала и...

По небу под пеной серых облаков пролетает идеально ровный строй темных птиц: плотная дуга движется слева-направо, а мимо Кармелы на полной скорости проносится встречный грузовик. Может быть, это стрижи?

– Пришло письмо от Карлоса Манделя, – добавляет Энрике.

Кармела не сразу понимает смысл услышанной фразы. Слова как будто проделали обычный путь по шоссе, ведущему из уха в мозг, а потом резко свернули, незадолго до въезда в светлый город Понимания.

– Кармела, – устало произносит Энрике, – думаю, тебе правда стоит приехать.

3. Сообщение

Здание Технического центра экосистем поражает своей избыточностью. Центр родился в самые оптимистичные времена президента Сапатеро, под сенью Министерства окружающей среды и той значимости, каковой ученые масштаба Карлоса Манделя обладали на просторах мировой биологии. Инаугурация сопровождалась речами, появлением инфанты, министров, ученых, представителей экологических организаций. Испании предстояло выдвинуться в первый ряд в деле наблюдения, изучения и охраны природных зон и исчезающих видов Европы. Собирались также построить несколько филиалов, первому из которых, на побережье Галисии, предстояло сделаться символическим напоминанием о катастрофе танкера «Престиж». Филиалы так и не были построены.

В Мадриде директором Центра назначили молодого биолога из университета Комплутенсе, чья магистерская диссертация была посвящена вопросам управления, – и Энрике Рекена вошел в свой кабинет, преисполненный энергии и иллюзий.

Экономическое и политическое будущее страны многое переменяло. Здание возле Пуэрта-де-Йерро нуждается в ремонте, который никто не готов осуществлять. Слева от въезда на парковку высятся леса, а на табличке с помпезным названием «Технологический центр экосистем» оставили свои

странные подписи несколько художников аэрозольного направления. Даже соседи поглядывали на этот дом с неприязнью, как будто Центр с его таинственной деятельностью крадет у них часть денег, идущих на уплату налогов. Заходя в Центр, Кармела уже не в первый раз ощущает в воздухе напряжение, словно вся Испания охвачена войной, одной из первых молчаливых жертв в которой явилось это безобидное место, где всего-навсего занимаются изучением собратьев примата, устроившего мировой экономический кризис.

Ощущение упадка только усиливается, когда Кармела останавливает машину перед воротами, при которых раньше находилась охрана. Нажав кнопку переговорного устройства, Кармела дожидается, чтобы кто-нибудь подошел и открыл ей ворота. На сей раз появляется незнакомый чернявый юнец (они тут как будто каждый день меняются), основное занятие которого состоит в том, чтобы вдумчиво пялиться на девушку за рулем, недоумевая, что эта симпатичная кроха забыла в их вымирающем монастыре. В холле, украшенном черно-белой фотографией цапли, имеется стойка и охранник, который сначала спрашивает имя, а потом запускает посетительницу внутрь.

Изнутри Центр чем-то напоминает редакцию разорившейся газеты. Столы с компьютерами и двери кабинетов. Компьютеры включены, но за столами никого нет. К счастью, Кармела знает дорогу. Девушка шагает по темному коридору с фотографиями куропаток и рысей, ей нужен кабинет Реке-

ны. Коридор пуст, так что шаги ее отдаются эхом. Куда все запропастились? Но не это неожиданное безлюдье заставляет ее сердце биться чаще, пока Кармела торопится вперед, а наплечная сумка колотит по ее маленькому бедру. Ее преследует, как тень, одно-единственное имя.

«Карлос Мандель», – гласит подпись под фотоснимком возле кабинета Рекены.

«Сообщение от Манделя» – так выразился директор Центра.

На двери кабинета – табличка под красное дерево, буква «к» в слове «Рекена» поцарапана.

– Войдите, – слышит Кармела в ответ на свой нерешительный стук. Девушка входит и замирает на пороге. В устланном ковром кабинете полно народу.

Для робкой Кармелы такое появление – это как выход на свет для шахтера, просидевшего три недели в шахте под завалами. Моргание, слепота, почти что резь в глазах.

Все, кого не было за столами и в кабинетах, все немногочисленные служащие, кому было положено явиться на работу в этот сентябрьский день, – все они стоят здесь.

Больше всего Кармелу поражает тишина – как в засаде. На нее смотрят, кое-кто здоровается, но почти без слов. В комнате, среди прочих, находятся Сильвия, секретарша Энрике (она стоит возле стола своего шефа) и Марио Ферреро, финансовый директор, – молодой, чисто выбритый брюнет в рубашке без галстука (девчонки в Центре называют его Фер-

реро Роше). Ферреро приветствует вошедшую дружелюбной улыбкой.

Все расступаются, пропуская Кармелу к столу, к компьютеру Энрике. За монитором Apple укрылся сам директор.

– Здравствуй, Кармела, спасибо, что приехала, – говорит Энрике.

– Что вы тут делаете? Что случилось? – Девушка продвигается по живому коридору, голоса у нее почти нет. Кармеле не нравятся сюрпризы. Она терпеть не может розыгрыши. А эти заговорщики, кажется, только и ждут момента, чтобы передать ей вахту.

– Взгляни-ка, – приглашает Энрике.

Кармела добирается до позиции, занятой Сильвией, и секретарша с видимой неохотой уступает ей привилегированное место. Рекена указывает на экран:

– Мы все получили это одновременно, час назад. Может быть, тебе тоже пришло. Ты проверяла свою почту?

– Нет.

– Мандель отправил сообщение со своего личного компьютера.

– Мандель отправил?..

Энрике ласково смотрит на нее поверх очков.

– Радость моя, он запрограммировал отправку два года назад, чтобы письмо пришло в конкретное время получателям из конкретного списка.

– Несколько месяцев назад я сменила адрес.

– Поэтому ты его и не получила.

– Я проверю свой старый адрес.

Кармела в недоумении смотрит на экран. Остальные смотрят на нее.

– Ты знала Манделя достаточно близко, – говорит Ферреро. – Ты что-нибудь понимаешь?

Кармела качает головой, не отводя взгляда от монитора.

На красном фоне – сообщение из одного-единственного слова; черные буквы шрифта Arial заполняют почти все пространство:

КРОАТОАН

В кафе напротив легко и экономично сочетают азиатскую кухню с самыми испанскими напитками, закусками и картофельной тортильей. В этот час здесь почти никого, так что никто не тревожит Энрике с Кармелой, занявших один из типовых столиков в длинном ряду. Кармела заказала салат из авокадо и креветки в соевом соусе, Энрике – телячье жаркое.

Плоский телевизор в углу передает международные новости: успешный запуск нового корабля с экипажем для орбитальной космической станции, которая уже года два как стала совместной – американо-европейской; эпидемия на севере Индии. В качестве мирного контраста к лавине картинок на экране возле входа помещен красивый аквариум с шелковистыми рыбками, придающий заведению восточный колорит.

– Прости, что заставил тебя приехать из-за ерунды, – говорит Энрике, кроша над тарелкой кусок хлеба. – За это, дорогая, я должен был пригласить тебя как минимум на обед.

Кармела улыбается в ответ. Энрике, как и всегда, выглядит элегантно и подтянуто. Волосы зачесаны назад (никакого бриолина!), в усах чуть больше седины, чем на голове, изящные очки интеллектуала, рубашка в мелкую полоску, статусный галстук.

– Нет, совсем не должен, но все равно спасибо.

– Я надеялся, ты поймешь, что это может значить.

– Вообще не понимаю. Не помню, чтобы он когда-нибудь произносил это слово. И кажется, я не встречала его ни в одной из его книг. Определенно, это не испанское слово.

– Точно, не испанское, – соглашается Рекена. Директор голоден и говорит в паузах, когда не жует. Кармела не видела его недели две и подмечает, что вид у Энрике утомленный. – Я науглил этот термин, но он окутан завесой тайны. – Рекена саркастически поднимает брови. – Нечто вроде «Секретных материалов». Это слово было вырезано на дереве рядом с покинутой английской колонией, одним из первых европейских поселений в Северной Америке. Загадочное исчезновение целого поселка...

– Кажется, я о чем-то подобном читала, – вспоминает Кармела. – Люди пропали за одну ночь, оставив еду на столах и дымящиеся печи... Правильно?

– Вообще-то, история успела обрасти мифами, но в целом

все так и обстояло.

– И никаких следов?

– Нет. Неизвестно, что с ними произошло.

За столиком наступает тишина. За темным окном по тротуару проходят люди, огибая металлическое ограждение ремонтных работ. Тень от лица Кармелы, жующей авокадо, падает на стекло.

– Не знаю, почему я решил тебя побеспокоить, – говорит Энрике. – В последние годы жизни у Манделя какой-то винтик из головы вылетел. А лучше сказать, пара винтиков.

– Ты правильно поступил.

– По правде говоря, в тот момент мы все обалдели. Открываем почту – и у всех одно и то же сообщение. И тогда я подумал... Ты же была его любимицей...

– Ну что ты, брось...

– Он тебя высоко ценил.

– Я училась у него на кафедре, потом под его руководством писала магистерскую. Вот и все.

– Ты помогала ему разбирать его материалы...

Кармела резко вскидывает голову:

– Да разве я виновата, что не понимаю, на что Мандель хотел намекнуть этим словом?!

– Нет. – Энрике отрывается от еды. У него растерянный вид. – Нет, ни в коем случае...

– Прости. Я сама не знаю, что говорю.

– Это ты меня прости. Я только хотел извиниться, что

вызвал тебя из-за такого пустяка. Точнее, оправдаться. Моя мать говорит, что я очень прилипчивый.

– Да нет, это я тебе нагрубилa. А в Лондоне-то серьезная заваруха начинается...

После этого замечания Энрике смотрит на экран, где камера, медленно отползая, снимает людскую лавину, теснящую ряды полицейских. У людей нет транспарантов, они не кричат – просто надвигаются. Люди похожи на стену из ног и неразличимых лиц. План сменяется: теперь съемки ведутся с вертолета. Головы, тела, толпа среди деревьев. «Лондонские манифестанты занимают оборону в Гайд-парке», – сообщают субтитры. И снова уличные съемки: «Манифестация превращается в молчаливый марш». В углу экрана видны статуи ораторов прошлого, похожие на куклы. Половодье. Человеческий муравейник. «Протест против заседания Международного валютного фонда может привести к массовым беспорядкам, по мнению...»

– Куда катится мир... – вздыхает Энрике и снова смотрит на девушку. – Выглядит так, как будто наступает конец чего-то, правда?

– Или начало.

– Да, будем оптимистами. Кстати, об оптимизме – ты потрясающе выглядишь.

– Спасибо. Ты тоже молодец.

Энрике Рекена отвечает приятной улыбкой. В этом мужчине все приятно, что, как считает Кармела, отчасти связано

с его политической активностью, но ей этот облик нравится. И многим другим женщинам он тоже нравится – за исключением той, что в течение пяти лет была его женой, а теперь живет с детьми в Барселоне. И есть еще кое-что: Кармела нравится Энрике Рекене. Поэтому она не понимает, сколько еще лотерейных билетиков им нужно вытянуть, чтобы наконец-то выпал главный приз.

И все-таки он не выпадает. Энрике не делает решительного шага, а Кармела не сделает его никогда.

– И вот что, – говорит он, – у меня свободные выходные, так я подумал, не согласишься ли ты в пятницу на тот самый ужин, который мы столько раз уже переносили?

– В пятницу?

– Да.

– Послушай, Ферреро ведь программист?

Неожиданная смена темы ранит того Энрике, который спрятан на дне всех сдержанных воспитанных Энрике, отвечающих девушке.

– Ферреро Роше, гроза красоток, он у нас по всем вопросам, – отшучивается Рекена. – Все умеет и все делает.

– Он проверял – от сообщения не тянется какой-нибудь след? Какая-нибудь спрятанная программа?

– Кармела, это простое сообщение из одного слова, и нечего там больше искать. – Энрике уже доел жаркое, но он никуда не торопится. – Карлос Мандель был гений, его теория взаимоповедения насекомых гениальна, несмотря на

очевидные ошибки, но ты должна признать, что он был немножко... В общем, нормальным он не был. Его дружба с этой бандой извращенцев, его самоубийство... Чего ожидать от такого человека? Он запрограммировал отправку письма за несколько дней до смерти. И правда, хватит об этом. Я спросил, что ты думаешь об ужине в пятницу.

– Я думала, ты собираешься в Барселону за детьми.

– Не на этот уик-энд, я же сказал. Сейчас ее очередь.

– Ну да.

Тарелка Кармелы опустела только наполовину. Девушка нацеливает вилку и подцепляет кусочек авокадо и креветку. Энрике следит за каждым ее движением.

– Это ведь не повторялось?

– Что?

– Я имею в виду... Он продолжает тебя... беспокоить?

Кармела качает головой. Энрике как будто размышляет, можно ли ей верить.

– Если этот говнюк снова что-то выкинет, дай мне знать.

Кармела кивает. Помимо очевидной тревоги за ее спокойствие – уж не ревнует ли Энрике к Борхе? Кармеле кажется, что ревнует, и ей это приятно.

По телевизору показывают журналистку в голубой куртке: она, видимо, ведет репортаж из кемпинга. За ее спиной проходят люди в форме. Официанты поднимают головы: это свежая новость. Кармела и Энрике тоже смотрят на экран. Звучит музыка, так что информации поступает не много. Кармела

читает бегущую строку: «Предполагают коллективное самоубийство четырех членов одной семьи в Мадридской сьерре». Официант, стоящий возле аквариума с пультом в руках, включает звук.

– ...*только один несовершеннолетний*, – сообщает девушка в голубой куртке.

Кадры из кемпинга. Палатки и автофургоны. Камера движется вслед за полицейскими, журналистка продолжает вещать:

– *Мальчик бродил в одиночку, его обнаружили туристы: в Мадридской сьерре в окрестностях Ферруэлы разбито много лагерей. Тела остальных членов семьи Химено – родителей, девочки двенадцати лет и младшей дочери...*

Теперь показывают, как мужчина в темном костюме и коричневом галстуке неуклюже шагает по траве, как будто ему привычнее покрытые линолеумом коридоры. За ним следуют люди в полицейской форме. Бредущий на мгновение поворачивается к оператору, и Кармела успевает разглядеть лицо: встревоженный мужчина средних лет, вытаращенные глаза, редкие светлые волосы, страдальчески вздернутые брови. Бедняга как будто вопрошает, зачем такому, как он, весь этот ужас. А камера быстро возвращается к журналистке.

– *Тайна следствия не разглашается. Прямо сейчас в Ферруэле работают следователи и эксперты. Рассматриваются самые разные версии...*

– Ставлю месячную зарплату, что всему виной *pater familias*³. – Энрике с усмешкой отворачивается от экрана. Еще один уволенный с работы впал в депрессию и сошел с ума, перестрелял своих близких и покончил с собой. В Испании мужчины, которых окунули в дерьмо, часто тащат за собой жен и детей. А несчастный паренек, наверно, чудом ускользнул.

– Ладно.

– Что ладно?

– Давай поужинаем в пятницу.

Мужчина и женщина смотрят друг на друга, Кармела тихо кладет вилку на край тарелки. А потом они начинают смеяться – сначала он, следом и она.

– Как лихо ты меняешь тему... – веселится Энрике. – Ты всегда была такой, это уж точно. С тех пор, как пошла на зоологию, а я руководил твоей практикой. О тебе тогда говорили: такая молчаливая, застенчивая девушка – и такая красивая... Какие только мысли роятся в этой головке?

Кармела улыбается. Энрике выглядит очень довольным.

– Хорошо, но за этот обед плачу я.

– Ни в коем случае. Сеньорита, вас пригласил Центр экосистем. Нам потребовалось ваше присутствие, а в обмен вы, по крайней мере, получаете стандартный офисный обед. – Энрике встает после того, как встает она, Кармела набрасывает на плечо свою сумку.

³ Отец семейства (*лат.*).

Они идут к выходу, чтобы расплатиться. Официант возле аквариума кормит рыбок, просеивая над поверхностью воды цветной порошок; он говорит клиентам «До свидания». Рыбки не слишком заинтересованы кормежкой: они собрались вместе в углу аквариума и обмахиваются прозрачными веерами-плавничками.

В телевизоре показывают бесконечную процессию продолговатых объектов, плывущих по водам Ганга.

Это трупы.

4. Звонок

Мужчину в темном костюме и коричневом галстуке, с неммым вопросом в глазах «зачем такому, как я, весь этот ужас», зовут Хоакин Ларедо.

Автомобиль без номеров только что доставил его из Ферруэлы на улицу Филиппин, где располагается независимая радиостанция «Твоя музыка FM». Машина заезжает на тротуар, окруженный полицейскими, здесь же стоят кареты «скорой помощи», и микроавтобус СГО⁴. За ними видны лица простых налогоплательщиков, алчных до чужих трагедий. «Приятного аппетита», – думает Ларедо.

– Кто там наверху? – Спрашивает он у полицейского, стоящего в дверях.

– Теоретически, никого. Жителей эвакуировали. А кто сейчас на станции, мы не знаем.

Навстречу Ларедо выходят пять человек, они не похожи на полицейских. Четверо мужчин и женщина, все молодые, с рельефной мускулатурой (включая и женщину). Одеты они как штатские, решившие отправиться на сафари в джунгли: ремни, португали, высокие ботинки – всё цвета хаки, но не повторяет никакую конкретную униформу. За спиной – рюк-

⁴ Специальная группа по операциям (GEO, Grupo Especial de Operaciones) – подразделение Национального полицейского корпуса Испании, предназначенное для выполнения опасных заданий; испанский полицейский спецназ.

заки. По знаку Ларедо они проходят в здание. Останавливаются в пустом тихом подъезде перед рядом почтовых ящиков.

– Де Сото, – называет себя стоящий впереди здоровяк, шириной плеч напоминающий игрока в американский футбол, с выбритой головой и южноамериканским акцентом. – Это Оливер, это Лопе, там Мавр. – Кивает в сторону атлетичной короткостриженной девицы: – А это Бюст.

Ларедо непроизвольно переводит взгляд на титьки девушки, приподнятые простой футболкой и тугими ремнями.

– Согласны? – спрашивает она, отвечая на его взгляд холодными голубыми глазами и не менее ледяной улыбкой, точно прочитав мысли Ларедо. Члены группы крепят к ушам радиомикрофоны и надевают маски.

Вассенир сказал, что к Ларедо будет прикреплена специальная группа. «Это не СГО, не спецназ, не Особая воздушная служба, не контрразведка, и они никак не связаны с силами охраны порядка», – понял Вассенир. Из чего Ларедо заключил, что группа представляет, скорее, «силы беспорядка». Он спросил у Вассенира, в чем конкретно будет состоять задача группы, и молодой человек не сразу нашелся с ответом.

– Помогать тебе? – предположил он, стараясь выглядеть циничным.

«Помогать мне не обделаться», – так теперь понимает Ларедо. Его взгляд прикован к точным, хирургическим движе-

ниям девушки: маска, оружие, снаряжение. Такая эффективная и такая молчаливая. В кармане его пиджака вибрирует мобильник. Звонят эксперты из Ферруэлы.

– Сеньор, мы нашли кое-что возле лагеря, вам будет интересно взглянуть.

Де Сото и девушка без лишних слов уже поднимаются наверх.

«Наконец-то специальная группа», – облегченно вздыхает Ларедо, отвечая звонящему.

Что бы ни ждало там, наверху, они разберутся без него.

Кармела возвращается в свою квартиру в университетском городке; на автоответчике ее ждут два сообщения. Директор школы, где она преподает биологию, собирает учителей, чтобы обсудить новый учебный год. А затем, после пиканья, обозначающего переход к ее личному роману, появляется воплощенная в слова улыбка Борхи Янеса.

«Кармель, Кармель, Кармель... Ты не отвечаешь по мобильнику, и я не знаю, слушаешь ли ты мои сообщения... Я один, думаю о тебе за стойкой бара... Теперь у меня вошло в привычку спускаться в бар, пить, смотреть телик и думать о моей крошке – ты представляешь? Я уверен, мы могли бы все исправить, если бы ты мне позвонила... или разрешила с тобой поговорить... Я знаю, чего ты хочешь... Я знаю...»

Терпение у Кармелы короче, чем запись на пленке. Она стирает оба сообщения и оставляет себе напоминалку: «По-

звонить в школу». Включает компьютер в гостиной, идет в ванную, включает душ, регулирует воду, идет раздеваться в спальню. Горячая вода на ее коже – как понимающее и ласковое живое существо. Кармела проводит намыленными руками по лицу, по грудям, по животу, думая о Манделе и о разговоре с Энрике Рекеной; самое главное – это перестать думать о Борхе.

Я знаю, чего ты хочешь.

Но нет, она хочет не этого. Или, по крайней мере, не признаёт. Она хочет чего-то похожего на Борху, но не его. Рука ее скользит вниз по животу вместе с водой. Через полминуты дыхание ее становится прерывистым, она подгибает колени, опирается в кафельную плитку, а горячая вода льет ей на спину. Пока Кармела ласкает себя, приближая маленькую вспышку, она снова слышит, как звонит телефон. Девушка, не торопясь, завершает свои дела, накидывает халат, причесывает влажные волосы и босиком проходит в гостиную.

За окном пока еще светло. Чувствуется, что лето уже позади, и температура, как говорил Дино, для начала сентября холодновата. Кармела проверяет, кто ей звонил, и сразу, не слушая, стирает очередное сообщение от Борхи.

Волна наслаждения от недолгой мастурбации позволила девушке расслабиться, но порой эти занятия оставляют тревожные мысли: она как будто страдает тем же недугом, что и Борха. Она действительно одинока, но ее одиночество не ведет ее в бар на углу, к выпивке и телевизору, а заставляет

подниматься в обсерваторию и в муках дописывать работу о поведении животных в неволе. Борха ведь тоже зоолог, как и она, но он отказался от попыток найти работу по специальности и теперь работает торговым представителем фармацевтической компании.

Кармела включает телевизор, заходит на свою маленькую кухню, готовит кофе и охлаждает напиток холодным молоком. Потом она возвращается в гостиную с работающим без звука телевизором и открывает на компьютере «Гугл».

Пока грузятся нужные ей страницы, Кармела слушает телевизор соседа, включенный, вероятно, на том же новостном канале. Морская трагедия в бухте Манки-Миа, Австралия. В Лондоне пущены в ход войска. Четверное самоубийство семьи в горах.

Кармела не обращает внимания. Мысли ее вертятся вокруг одного слова.

«Кроатоан».

На закате своей жизни, перед самоубийством, Карлос Мандель перестал быть тем Карлосом Манделем, которого знала Кармела. И все-таки девушке слишком хорошо известно, что не следует отмахиваться ни от одного из его указаний.

Мандель был человеком, перед которым Кармела слепо преклонялась в те времена, когда она еще мечтала о карьере этолога, прежде чем начала преклоняться перед Борхой. Прошло целых пятнадцать лет с того дня, когда она впервые

увидела это светило этологической науки. В девятнадцать лет Кармела была еще более застенчивой, чем теперь, ей потребовалось два дня, чтобы собраться с духом и попросить у Манделя совета – как собирать библиографию помимо тех ссылок, которые предлагает интернет. А Мандель неожиданно пригласил студентку в свою квартиру в Монклоа, чтобы она порылась в его библиотеке. Кармела приходила несколько раз, потом прикрепилась к кафедре Манделя, затем защитила магистерскую диссертацию под его руководством. Неофициальная легенда, в которую продолжает верить даже Борха, гласит, что она спала с Манделем. Это неправда, но Кармела не хотела разубеждать Борху: пусть помучается. А выглядело все вполне правдоподобно: Мандель не раз укладывал в свою постель учениц... и учеников. О бисексуальности Манделя было известно; менее известно было о его пристрастии к жестоким оргиям, о его связи с группировкой неонациста Логана.

Все это дело прошлое, но Кармела точно не намерена игнорировать послания от Манделя, какими бы нелепыми и посмертными они ни являлись.

«Кроатоан». Вот это письмо, на ее старом электронном адресе. Черные буквы шрифта Arial на красном фоне, как крик, как предупреждение. «От кого: Карлос Мандель». В параметрах сообщения указано, что кто-то запрограммировал его отправку на сегодня, на конкретное время, получатели выбраны по списку.

Кармела набирает простой ответ и пересылает отправителю. Сразу же приходит оповещение: «Сообщение не может быть доставлено. Получателя с таким адресом не существует». Выходит, этот призрак не принимает ответов. Мандель мертв, а покойные не получают писем от живых, хотя противоположный случай имел место. Страницы из «Гугла» успели загрузиться. По запросу «Кроатоан Карлос Мандель» найдено четыреста с чем-то результатов, но ни один из них при беглом просмотре не связан с высказываниями или областью интересов этолога Манделя. Открываются книги, отрывки из телепередач и цитаты с использованием слов «Кроатоан» и «Карлос», а иногда еще и «Мандель». Но когда Кармела уточняет свой поиск: «три слова по порядку», – результатов нет.

А вот по запросу на одно слово «Кроатоан» информации много. Как и говорил Энрике, эта надпись в 1590 году была обнаружена на коре дерева на острове Роанок близ поселка колонистов с таким же названием. Сейчас это территория Северной Каролины, там жили англичане, это было время колонизации Америки и англо-испанской войны. Поселенцы Роанока, по-видимому, не слишком ладили со своими индейскими соседями. Губернатор колонии, некий Джон Уайт, вернулся в Англию, чтобы просить помощи и ресурсов для новой территории, однако ему пришлось задержаться в метрополии из-за угрозы испанской Армады, готовой двинуть свои корабли на Англию. Вернувшись на Роанок два

года спустя, Уайт не обнаружил никаких следов, а ведь колонистов было больше ста двадцати человек.

Нападение индейцев? Возможно, но никаких следов борьбы не найдено. Как будто весь поселок разом порешил сняться с места, при этом не забрав никаких вещей.

А на дереве острым предметом вырезано слово «Кроатан».

В этой истории все загадочно, но существует несколько допустимых гипотез: колонисты попытались бежать и погибли в море (поселок же располагался на острове); колонисты смешались с населением соседних островов; колонисты тайно переменили место жительства... В сети выдвигались и более дерзкие предположения: похищение инопланетян, переход в другое измерение, перемещение во времени... И прочая белиберда. Одна страница привлекает внимание Кармелы. Это часть сайта, на котором обсуждают необъяснимые явления, общее название раздела – «Загадочные исчезновения». Кажется, случай с Роаноком не уникален. Например, в 1930 году в эскимосском поселке Ангикуни одномоментно испарилась тысяча жителей. Но речь на сайте шла не только о поселках. В 1872 году в Атлантическом океане обнаружили корабль «Мария Селеста» – без команды и опять-таки без признаков природной катастрофы и следов борьбы. В знаменитом Бермудском треугольнике пропало больше пятидесяти кораблей и два десятка самолетов...

Разговор о Бермудском треугольнике немного расхолажи-

вает Кармелу. Неужели Манделя в конце жизни начали интересоваться все эти эзотерические выдумки?

Кармела размышляет, засунув руки в карманы халата.

«Возможно, загадка – это не Кроатоан, а сам Карлос Мандель...»

Однако в единственной настоящей тайне Манделя нет ничего таинственного: он провел свои последние четыре года в одиночестве, время от времени ложился в частную психиатрическую клинику под Мадридом, отказался принимать журналистов и отвечать на звонки, погрузился в глубокую депрессию, а в конце концов повесился на проводе под крышей своего дома в горах.

Прошло уже два года после его смерти – возможно, трагической, но никак не таинственной. Да и сама жизнь Манделя не являлась таинственной: только захватывающей, в чем-то аморальной. Студент-зоолог в университете Комплутенсе, диссертация в Дейвисе (Калифорния), ученик Э. О. Уилсона. Среди специалистов-этологов знаменит своей теорией взаимоповедения, с помощью которой Мандель пытался доказать, что поведение перепончатокрылых, таких как пчелы и муравьи, циклически и математически обусловлено поведением окружающих их особей. Однако эта теория осталась недоказанной, слишком много в ней было погрешностей. Бóльшую известность среди широкой публики снискала его книга «Обусловленная свобода», бестселлер в жанре нон-фикшен, в которой Мандель отстаивал теорию, что

человеческие существа, будучи высокоразвитыми высшими приматами, не только обладают свободой, но должны еще и «прожить свободу».

Свободу принимать решения, хотеть, думать, действовать.

Жизнь самого Манделя являлась образчиком этой «прожитой свободы»: как можно дальше налево – открытый фашист, водящий дружбу с неонацистами; на правом краю – революционер, коммунист и даже анархист с неопределенной сексуальной ориентацией (Кармеле смутно помнится, что последним его любовником был художник Николас Рейноса). В Дейвисе у Манделя была связь с наркоманкой, впоследствии умершей от передозировки; потом, в Испании, – с четырнадцатилетней аргентинкой Фатимой Кройер, дочерью фотографа, помогавшего оформлять его «Обусловленную свободу». Эти романы давали благопристойным гражданам поводы перемыть ему косточки. Невозможно отрицать и пристрастия Манделя к отбросам общества, жестоким группировкам, которые в глазах ученого олицетворяли «человеческую свободу». Но если разобраться, не являлось ли все это гранями одного камня, разноцветными фрагментами, которые при рассмотрении в правильном калейдоскопе должны выстроиться в уникальную и гармоничную фигуру?

Свобода жить. Выбирать.

В этот момент Кармела вспоминает слова Манделя, сказанные в его доме, когда он, как преподаватель этологии,

пригласил ученицу покопаться в его библиотеке, разрешив брать любые книги. Девушка прибежала возбужденная, страшно волнуясь, – ведь Мандель предоставлял ей уникальную возможность.

Кармела помнит, как он стоял перед ней: худой и жилистый, острый взгляд, негустые волосы с проседью, одет, как всегда, небрежно (любимый наряд профессора составляли джинсы и куртка из того же материала).

– Кармела, мы живем во время величайших манипуляций, какие только производились в истории человеческого рода, – говорил Мандель, не сводя с девушки голубых глаз. – Реклама, правительства разных стран, их средства массовой информации... никогда прежде они не располагали такими возможностями, чтобы контролировать нас, заставлять нас чувствовать, верить и желать того, чего хотят другие. И эта тенденция только усиливается. Ментальная монополия – вот оно, наше будущее. Покупать, думать, жить в гигантском сообществе потребителей, реакциями которых манипулируют, приближая к реакциям социальных насекомых. При голосовании выбирать из двух партий, когда выигрывает то одна, то другая, – это они называют демократией. Покупать то, что покупает большинство, – это они называют вкусом. Доверять тому, чему доверяют все, – это они называют образованием. Хотеть того, чего хотят все, – это они называют жизнью. Достигать того, чего достигают все, – вот оно, счастье. Избавить человека от характера, от собственного образа жизни, – вот

что им нужно. Наполовину затереть каждый штрих человеческого мела на доске общества, пока... – Свою речь Мандель иллюстрировал на маленькой доске в своем кабинете: рисовал линии, а потом замазывал их ладонью. – Пока мы не превратимся в мутное облако, пока не лишимся отличительных признаков...

«Не попадись в эту ловушку, Кармела. Имей достаточно сил, чтобы быть самой собой, несмотря ни на что. С твоими желаниями – открытыми или тайными. С твоими недостатками. Устраивай свои собственные ловушки».

На телеэкране темные крепкие существа собираются в плотный сгусток. Зримый образ возвращает Кармелу в настоящее: это же гориллы с серебристой спиной, типичные африканские гориллы, вот только непонятно, чем они заняты в таком количестве и в таком единстве. Камера, установленная на каком-то воздушном аппарате, отдаляет изображение. Кармела ищет пульт, чтобы включить громкость, и в это время начинают передавать следующую новость. Журналистка говорит в микрофон, стоя перед кордоном полицейских машин. Внизу надпись: «Трагедия на радиостанции в Мадриде».

– Все началось с сообщения о заложенной бомбе, что привело к эвакуации жителей из дома на проспекте Филиппин, – сообщает журналистка. – А закончилось трагедией...

Один из сотрудников радиостанции «Твоя музыка FM», звукооператор, набросился на своих коллег с ножом.

Несколько убитых, несколько тяжелораненых. Женщина с микрофоном не исключает, что убийца страдал психическим расстройством...

Да это вроде та самая станция, которую она слушала, возвращаясь из обсерватории? «На мадридских радиостанциях объявлен траур...» Кармела замирает перед экраном. Она так и не добирается до пульта, в оцепенении смотрит в телевизор, показывающий отряды СГО и полиции перед входом в здание. В холле она успевает увидеть мужчину в костюме с коричневым галстуком. Кажется, она его уже видела, вот только не помнит где.

В этот момент звонит телефон; Кармела рассеянно берет его со столика, не посмотрев, кто звонит.

– Ах, Кармель, Кармель... Это правда ты? Не могу поверить... Наконец-то.

Кармела стоит перед телевизором в халате и босиком, она закрывает глаза.

– Борха, послушай... Это уже заходит слишком далеко...

– Конечно, моя радость, это заходит слишком далеко. Тебе всегда нравилось, когда я заходил слишком далеко. Скажи мне, что на тебе надето?

Кармела слышит его дыхание. Но нет, это ее собственное дыхание, отраженное панелью телефона.

– Халат, – отвечает она почти автоматически. – Послушай...

– Сними его.

– Борха...

– Снимай халат. Сейчас. Давай.

Неизвестно, сколько прошло времени. Кармела по-прежнему стоит, потная ладонь сжимает мобильник. В телевизоре проезжают бронетранспортеры и танки, под кадрами текст: «Бенарес: некоторые эксперты ставят под сомнение эпидемию геморрагической лихорадки. Север Индии занят войсками».

– Борха, я обращаюсь в полицию, – говорит Кармела.

– Ты уже сняла халат?

– Я не хочу, чтобы ты мне звонил.

– Ага, ты хочешь, чтобы я повесил трубку? Скажи это.

Если я отключусь, я больше не буду звонить. Ты слышишь? Никогда. Хочешь, чтобы я повесил трубку?

– Я хочу, чтобы ты оставил меня...

– Отвечай: да или нет. Это просто. Да или нет, Кармель. Ты не можешь решиться. Ты не хочешь, ведь правда? Прими это: *ты не хочешь*. Ты хочешь меня. Твое тело хочет меня. Ты знаешь это наверняка. Ты знаешь, как сильно ты хочешь...

– Нет.

Теперь Кармеле кажется, что Борха молча повесил трубку в одно из мгновений этого односложного ответа, которые показались Кармеле вечностью. А потом она слышит его смех.

– Ты хочешь меня, сучка, – говорит он.

– Борха, так больше нельзя. Хватит. Я вешаю трубку.

– Эй... Кармель... Да что с тобой? Почему ты не способна это признать? Вот я признаю: я не могу жить без тебя... Ты... Ты была...

Из окна доносится шум. Из окна в гостиной, двустворчатого, выходящего на крошечный балкончик верхнего этажа. Звук такой, как будто в окно выстрелили из ружья для пейнтбола.

Пока Борха выплескивает ей в ухо свою любовь, звук повторяется: один, два, пять, двадцать раз подряд. Прямоугольник окна заполняется липкими, желтыми, отвратительным градинами. Плотная туча заслоняет солнце. Пулеметная очередь, канонада, от грохота сотрясается стекло. Кармела кричит и пятится назад. Натывается на компьютерный стол.

– ...я так тебя хочу, я так тоскую по твоей... Кармела? Ты еще здесь? Что там за шум?

Кармела выключает телефон и говорит «подожди». Позже она поймет, что проделала эти действия в обратном порядке.

Шарнирная дверь, ведущая на балкон, вся покрыта мелкими липкими экскрементами. Кроссворд с заполненными клеточками, лишивший Кармелу вечернего солнца. Но девушку больше пугает не эта относительная темнота, а яростный шум, доносящийся с плоской крыши, – теперь он постепенно затихает. Кармела осознаёт, что это была не пальба, а что-то живое.

Хлопанье крыльев.

Шум затухает как убегающая волна. Отлив небесного мо-

ря.

Кармела протягивает руку и открывает окно. Балкончик и металлические перила покрыты кислотным снегом. Запах омерзительный. Маленькие птички какашки все еще трепещут, сползая по стеклу и по прутьям ограды, но Кармелу это не беспокоит.

Соседи тоже распахнули окна – то ли из-за упавших с неба бомб, то ли из-за шума. Из темных проемов высовываются головы, разинутые от изумления рты, тычущие в небо пальцы, но никто не выходит.

А Кармела выходит. Ступает босыми ногами по экскрементам с единственной целью – увидеть то, что с таким шумом уносится прочь от ее дома. Девушка смотрит на скрытое облаками солнце – нет, не там. Левее, к югу. Ступни ее скользят по вязкой массе. Кармела видит только стаю голубей – штук двадцать, ничего сверхъестественного; на ее глазах стая разделяется на две. «Видимо, они уже успели разлететься, – решает Кармела. – Их было больше, гораздо больше, и они разделились еще раньше, чем я вышла...»

– Ты видела? – спрашивает старушка из соседней квартиры, бледная, как при лейкемии. Соседка смотрит из углового окна, оно не так перепачкано. Дальше вдоль этой стены окна вообще чистые.

«Голуби собрались в кучу, опорожнились и разлетелись» – таков вывод Кармелы.

По улице, четыремя этажами ниже, бегут люди.

Мобильник снова звонит. Кармела, чертыхаясь и оскальчиваясь, пачкая ногами пол, возвращается в гостиную. Сжимает зубы и берет телефон. Кармела редко кричит. Редко скандалит. Редко оскорбляет людей. Ее личико прелестной куколки редко искажается гримасой ярости.

Теперь все это происходит одновременно.

– Борха, сученыш, оставь меня в покое! Ты понял?

Трубка молчит. Девушка тоже молчит.

– Кхм... Кармела Гарсес? – Незнакомый мужской голос.

Пунцовая от стыда Кармела разом возвращается к своему вежливому полушепоту:

– Слушаю.

– Мы не знакомы... Меня зовут Николас Рейноса, вот...

Я был другом Карлоса Манделя.

– Да-да, – отвечает она пересохшими губами.

– Мне нужно срочно с вами встретиться.

5. Видео

Ей открывает дверь мужчина лет сорока пяти. Высокий и крепкий шатен с сединой у висков. В лице его есть что-то милое, комичное – и мужчина старается прикрыть это выражение сухостью манер. В его квартире на улице Мендес Альваро стоит запах краски, слышны крики, удары и какая-то толкотня, а фоном звучит Моцарт.

– Добрый вечер.

– Добрый.

– Я Кармела Гарсес. Простите, что так долго...

– Ничего страшного. Проходи.

Закрыв дверь за спиной у гостьи, хозяин кидается в комнату, к плоскому телевизору, где полицейские и штатские бегут по улице какого-то города, производя немалый шум. Мужчина нажимает кнопки «лентяйки» и оставляет моцартовское фортепиано звучать из колонки айпода в одиночестве.

Какое-то время он смотрит в немой телевизор, а потом оборачивается к Кармеле.

– Шоссе М-тридцать было забито под завязку. – Кармела до сих пор красная от спешки и до сих пор оправдывается. – Это была даже не пробка, а огромная парковка...

Она действительно провела два часа в идиотской пробке, тоскливо слушая вой сирен и новости о столкновениях по-

лиции с манифестантами. Но Рейносу, определенно, не интересны ее личные обстоятельства.

– Да, – отвечает хозяин. – Перекрыли весь Пасео-дель-Прадо от площади Нептуно. Яростная манифестация в поддержку лондонской...

– Происходит целая куча всего.

– Да, целая куча.

Художник молча смотрит на нее. На нем перепачканная краской футболка, джинсы и голубые парусиновые туфли. Слегка выпирает брюшко, но руки тренированные, на рельефной мускулатуре проступают вены. Наверное, еще несколько лет назад этот мужчина следил за своим телом, вот только с возрастом привычка пропала. В хозяине дома все дышит силой и безалаберностью. Кармела являет собой полную его противоположность: серый брючный костюм, белый свитер, платочек на шее, туфли без каблуков, минимум макияжа – она кажется куклой, подтверждая прозвище, которое ей дали в школе.

Квартира представляет собой студию художника, подходящего к делу чуть более серьезно, чем любитель. Кармела замечает, что умелая перепланировка соединила гостиную с полукруглым застекленным балконом, так что здесь более чем достаточно света для мольберта и холста. Мебели немного, но к стенам приставлены картины – законченные эскизы.

– Так, значит, ты и есть Кармела... – произносит мужчина

после долгого изучения.

Она кивает, все так же стоя на пороге, и ждет, когда хозяин скажет что-нибудь еще для поддержания беседы, но он ничего не говорит. Поэтому Кармела призывает на помощь Моцарта.

– Очень красивая музыка.

– Вторая часть фортепианной сонаты фа мажор Моцарта, номер двенадцать. Она нравилась ему, и мне она нравится из-за него.

– Ему?..

– Карлосу Манделю.

– Ах да.

– Почти все, что нравилось ему, нравится и мне. – Он пристально смотрит на девушку. – Почти все.

– Понятно, – отвечает она, предпочитая не заметить намека.

– Что-нибудь выпьешь?

– Нет, спасибо.

Повинуясь внезапному порыву, хозяин в два прыжка оказывается возле балкона и закрывает дверь. Кармела обращает внимание, что картина на мольберте еще сырая, но от порога ей видны только красные мазки. Возможно, художник писал эту картину прямо перед ее приходом. От густого запаха масляных красок у девушки кружится голова.

– Вы художник.

– А что, заметно? – Кармела робко улыбается в ответ на

его колкую реплику, и тон хозяина становится мягче. – Давай-ка проходи и садись. И, мать твою, перестань уже мне выкать. Меня зовут Нико.

Кармела уступает наполовину: проходит, но не садится. Вокруг столько интересного! Картины на стенах и картины у стен. В рамах и без рам. Художнику нравится изображать людей и животных: девочек и ежей, тигров и дам. Стиль близок к примитивизму. В правом нижнем углу проставлена подпись: «НРейноса». А еще в комнате много фотографий, на них – картины и люди. Как будто для Нико зрительные образы – это источник жизни. Мандель запечатлен на нескольких снимках, на одном – вместе с Нико: мужчины улыбаются, указывая на картину – портрет самого Манделя. Хотя снимок не очень большой, Кармеле кажется, что портрет очень верный: художнику удалось отобразить белизну волос, острый взгляд и морщинистую кожу Манделя; фон картины – голубой.

За спиной раздается голос хозяина:

– Может быть, ты видела этот портрет в интернете. В свое время он широко разошелся.

– Что-то знакомое, – врет Кармела.

– Слушай, извини за вопрос, но... какие у вас были отношения?

Это уже похоже на допрос.

– Я стажировалась у него на кафедре. Писала работы под его руководством.

– Ясно. Когда это было? – Нико открывает ноутбук и ставит рядом с телевизором, в котором диктор о чем-то рассказывает над заголовком «Лондон: войска занимают улицы».

– Это было... Два года назад.

– Я спрашиваю, когда вы в последний раз виделись.

– Значит, так... Я его иногда навещала, иногда звонила, пока он... не поступил...

– Пока он не лег в психлечебницу, – договаривает Нико.

– Да.

– Ну и со мной та же штука. Он лег в больницу и провалился сквозь землю. Я никогда не слышал, чтобы он говорил о тебе.

– А при мне он упоминал вас... тебя.

– Вот как? И что говорил?

– Ничего такого... важного. Я слышала... про вас...

Кармела не знает, как продолжать. Это Борха первым рассказал ей, что у Манделя связь с каким-то «педрилой-художником». Потом она прочитала об этом в интернете.

– Надеюсь, ты слышала обо мне только хорошее.

– Да, конечно.

Нико согнулся, подсоединяя компьютер к телевизору; он рычит – или, быть может, он так смеется. Пока длится этот разговор, Кармела ощущает волны потаенной ярости, исходящие от этого мужчины. На кого или на что он так ярится? Пока художник переключает каналы, девушка ищет объяснения в фотографиях на стенах. Один из снимков не име-

ет ничего общего с отношениями художника и его любовника: молодой Нико запечатлен вместе с дородным мужчиной, оба одеты в полицейскую форму, черты фамильного сходства несомненны. Кармела где-то слышала или читала, что Нико работал в полиции. Вот откуда его пристрастие к допросам? Все смешное и симпатичное, что есть в Нико, на лице его отца выглядит как-то грубо и примитивно.

– В общем-то, нет ничего удивительного, что он обо мне не упоминал, – смущенно добавляет Кармела, силясь заполнить паузу. – Я была всего-навсего студентка...

– Нет.

– Прошу прощения?

Нико разгибается и поворачивается к ней с пультом в руке. У него жесткий взгляд: сейчас на Кармелу смотрит бывший полицейский.

– Ты была *больше* чем студентка.

– Что... ты имеешь в виду? – Кармела покашливает, не зная, как ей реагировать. Это что – оскорбление?

– Сейчас поймешь. – Нико указывает на диван.

Диванчик маленький – или слишком ощутимо присутствие сидящего рядом Нико Рейносы, так что девушке приходится забиться в угол, стиснуть колени и скрестить руки на груди – ни дать ни взять трудный подросток. Мужское тело обдает ее волнами масляных красок и скипидара. Хозяин направляет «лентяйку» на телевизор, в углу экрана мелька-

ют какие-то номера.

Моцарт удален нажатием одной кнопки, воцаряется напряженная тишина.

– Так, значит... профессор Мандель хотел, чтобы я это увидела?

– Скоро ты сама мне объяснишь.

Кармела ничего не понимает. По телефону Нико сказал ей немного: «Нам нужно срочно встретиться; если возможно – сегодня же вечером. Профессор Карлос Мандель оставил здесь кое-что для вас». Нико не выпустил свою добычу в ответ на ее вопросы и продолжал держаться как продавец, который ставит своему клиенту жесткий ультиматум: ничего больше не скажу, а ты либо соглашаешься, либо сделке конец.

Молчание длится и длится. Девушка замечает, что Нико ее рассматривает.

В этот момент на экране возникает изображение. Место где-то за городом. Камера направлена на одну точку, она установлена на каком-то возвышении, быть может на дереве, потому что по краям кадра подрагивают расплывчатые ветки. В центре кадра – поляна с деревянным столом и лавками, цивилизованное пространство, отведенное для семейных обедов на выезде. Запущена ускоренная перемотка, и солнце поднимается, как огненный мяч в фантастической волейбольной партии.

– Кто это? – спрашивает Кармела, наблюдая стремитель-

ное появление «ситроена» и нескольких человеческих фигурок, мечущихся между машиной и столом. Ответом служит ироничная улыбка Нико.

Еще одно нажатие кнопки, и теперь запись идет с нормальной скоростью. Изображение не совсем четкое, а из-за неподвижности камеры за кадром постоянно остается как минимум один из пяти персонажей. Рыжеволосая девочка подбирается к точке съемки ближе других, но, определенно, ничего не замечает. Ветки по бокам кадра колышутся от ветра.

Кармела неожиданно вылавливает информацию из хаоса цифр и букв в углу экрана.

– Это сегодняшняя запись?

– Да, снято через IP-камеру, – подтверждает Нико. – Они сами по себе как маленькие компьютеры и транслируют изображение в реальном времени...

– Профессор Мандель использовал такие, чтобы изучать поведение насекомых...

Нико снова рычит, – возможно, это все-таки его смех.

– Точно. Поведение насекомых.

Художник больше не ускоряет запись, из этого Кармела заключает, что нужно смотреть внимательней.

Очевидно, это семья. Отец, полноватый и плешивый, с помощью сына выгружает из багажника велосипеда. Старшая дочь помогает матери накрывать на стол: вот она таскает пакеты. Малышка носится взад-вперед. Кармела как будто рас-

смаатривает еще одну картину, пахнущую так же, как и всё вокруг нее, но с движущимися фигурками. Звука нет, звучат только неживые приборы.

И тогда Кармела вспоминает. Последний кусочек встает на свое место.

– Это ведь... семья из сьерры... те... кто... погиб... сегодня?

– Потом расскажешь. – Стена по имени Нико Рейноса не поддается. Но теперь он начинает комментировать. – Смотри... Мальчик что-то говорит. Отец отвечает... Мальчик попросился погулять в одиночку, это точно. Вот кто остался на поляне: родители, старшая сестра и малышка...

Мать носит миски с едой. Старшая дочь – посуду. Отец согнулся, поправляя что-то в велосипеде...

Картинка внезапно заслоняется большой темной тенью. Кармела вздрагивает от неожиданности.

– Так, это, видимо, сорока, – поясняет Нико. – Она закрыла объектив. Но дело не в сороке... Смотри внимательно... – Мужчина тычет в экран толстым перепачканным пальцем. – Вот, начинается.

Кармела смотрит, но ей трудно сосредоточиться. Что-то переменялось.

– Видела?

– Не знаю...

– погоди, я отмотаю назад. Обрати внимание на их позы. Кармела подается вперед и щурит глаза. Нико останавли-

вает запись, Кармела изучает каждую фигуру. Отец наклонился над велосипедом. Мать сняла куртку и вешает ее на стул. Старшая дочь держит вилку. Младшая замерла в прыжке.

– Да, вижу. И что?

– Теперь смотри.

Нико нажимает на Play. Отец отпускает велосипед и оборачивается. Мать отпускает куртку и оборачивается. Старшая дочь отпускает вилку и оборачивается. Малышка приземляется на землю и оборачивается. Они делают это одновременно, с идеальной хореографической слаженностью. А потом все они идут в одну сторону.

В сторону камеры.

– Они ее заметили, – догадывается Кармела.

– Что заметили?

– Камеру. Они заметили, что их снимают.

– Нет. Дело не в этом. Там никого не было, только камера.

– Тогда что с ними происходит?

– *Происходит*, это уж точно, – отвечает Нико.

Четыре фигурки приближаются, но теперь Кармела замечает, что они действительно не смотрят на камеру. Они просто движутся в этом направлении. Шаги у всех четверых ритмичны, так же ритмично они взмахивают руками. От такого единообразия затылок Кармелы покрывается мурашками.

Семья уже совсем рядом с местом, где закреплена камера, но она подвешена высоко, им придется пройти под ней.

Первой идет младшая девочка – ведь она находилась ближе всех. Следом идет ее сестра, дальше – мать. Отец замыкает шествие. В строгом порядке. Теперь становится различимо лицо малышки. Кармела вздрагивает. Девочка ни на что не смотрит. Она смотрит перед собой, но зрачки ее разошлись по сторонам, как будто что-то выскивают. У ее лица нет выражения. Старшая...

И тогда происходит что-то еще.

– Подожди! Останови! – Нико нажимает паузу. Кармела указывает на полосу неба над четырьмя фигурами. – Это... птицы?

– Да, похоже.

Кармела подходит к экрану вплотную, едва не касаясь пальцем.

– Мне кажется, это сороки. Слетелись вместе и выстроились в одну линию... Сороки на такое способны, они птицы ловкие, но это не перелетный вид... Зачем такой строй?..

В ее голове вспыхивает воспоминание: университет, лекция по этологии. Мандель веселит студентов очередной историей: «Вы напоминаете мне одного фермера, владельца коровьего стада, который ни разу в жизни не видел жирафа. И вот однажды фермер его увидел: пятнистое тело жвачного животного, неестественно длинная шея, маленькие рожки на голове... Фермер в испуге и смятении кричит: „Не может быть!“ Но это может быть. Коровы и жирафы возможны. То, что ты никогда их не видел, не делает их несуществующими».

ми...»

Этого *не* может быть. Но это происходит.

Члены семьи один за другим покидают видимую зону, проходя под камерой. Вереница сорок тоже пропадает из кадра.

Как голуби в небе над ее домом. Знакомое и незнакомое. Корова и жираф.

Этого *не* может быть. Но это есть.

– И что... Куда они все ушли?

– Несомненно, об этом же сейчас спрашивает и несчастный паренек, – сухо отвечает художник.

И действительно, спустя недолгое время возвращается мальчик, жертва жестокой игры в прятки: он ищет в машине, оглядывается по сторонам, бежит налево, бежит направо... Кармела почти слышит его отчаянные крики: мальчик зовет своих.

– Ты уже видела новости. – Нико подводит мрачный итог. – Его родителей и сестер обнаружили неподалеку. Убитыми. До сих пор неизвестно, кто это сделал...

Кармела смотрит на него в недоумении:

– Но почему Мандель... Это была его идея устроить съемку? Он установил камеры, прежде чем...

Бросив взгляд на помрачневшее лицо Рейносы, девушка пугается больше, чем во время просмотра видео. Хозяин дома смотрит на нее исподлобья, внезапно его черты искажаются яростью.

– Ну хватит, студенточка! – рычит Нико.

Движения его стремительны. Полсекунды – и Нико уже тянет ее на себя. Тянет за свитер, тянет так, что платок на шее едва не рвется. Образок Богоматери, бабушкин подарок, царапает Кармеле кожу, а Нико напрягает руку, притягивая ее лицо к своему. Он говорит яростным шепотом, без пауз:

– Хватит, красотуля. Не пытайся меня дурить. Мне насрать, была ли ты еще одной «Фатимой Кройер», еще одной смазливой девицей, которую он трахал, меня не колышут ваши перепихоны – но только не надо! Не надо! Происходят странные вещи, мы все это видим. Много говорят о манифестантах, но я тебе скажу: я был полицейским, я могу отличить уличные беспорядки от хаоса. Так вот это – хаос, ты слышишь? – Его дыхание пахнет апельсином и горьким кофе. – Не дури мне мозги, профессорша.

Она видит собственный испуг в его карих глазах.

– Нет... Не понимаю, о чем вы... Отпустите меня.

Художник не отпускает. «Он весь на нервах, – понимает Кармела. – Дело не во мне, дело в нем».

– Карлос просил, чтобы я тебя защитил, – добавляет он шепотом. – Что он имел в виду – ты знаешь?

– Чтобы ты... меня защитил? Клянусь, я тебя не понимаю! Все эти годы я ничего не знала о Манделе, до сегодняшнего дня, когда он прислал мне... прислал нам заранее настроенное письмо с одним словом: «Кроатоан»!

– Кроатоан... – шепчет Нико.

– Да! Я не знаю, что это означает! Я знаю эту историю, дома почитала, но я не знаю, что он хотел нам сказать!..

Хватка ослабевает. Тиски превращаются в мягкую плоть. Мужчина опускает взгляд, он как будто теряет свою силу:

– Я тебе верю. Прости.

Освобожденная Кармела порывисто поднимается, она хочет уйти. Безуспешно пытается привести в порядок свитер и платок. Почему ей взбрело в голову так нелепо вырядиться, отправляясь к этому безумцу? Девушка задыхается, пальцы ее дрожат, она ищет свою сумку.

– Ну пожалуйста, прости. Не уходи, – просит Нико. – Видишь ли... я не мог тебе довериться. Я тоже получил это слово – помимо всего прочего... Я не понимал, почему Мандель это сделал, но подумал, что, раз уж он упомянул про тебя, ты должна что-то знать, а от меня скрываешь... – Нико прикрывает рукой рот, отчего отчетливее проступают круги под глазами – знаки возраста и усталости. Художник снова смотрит на экран, там продолжается трансляция. – Подожди, я тебе потом объясню... Сейчас я хочу посмотреть дальше... До конца... Я еще не смотрел...

Кармела так и стоит, задыхаясь, борясь с желанием убежать, а Нико ставит запись на ускоренную перемотку. Солнце садится. Поляну заполняют «межгалактические корабли». Вокруг «ситроена» из ниоткуда возникают полицейские фургоны и кареты «скорой помощи». Привидения в форме, точно гонимые ветром, несутся из стороны в сторону, но в

конце концов движутся в том направлении, где исчезла семья. К видеокамере поднимаются два лица, под лицами видны бронежилеты. Короткий обмен репликами. Пятипалый тарантул закрывает изображение. Картинка гаснет.

– Вашу мать... Они ее нашли! Я должен был раньше догадаться... Мы не можем терять время. – Нико склоняется над ноутбуком. Что-то быстро набирает, потом вытаскивает флешку и кидает Кармеле, так что девушка еле успевает ее поймать. – Сохрани ее. Не отдавай им. Это очень важно. Если кто-то спросит, помни: никакой записи ты не видела... А теперь пора уходить...

Нико порывисто вскакивает, кидается к вешалке и надевает черную косуху. Кармела прячет флешку в карман брюк.

– Кто это сделал? – Кармела ничего не понимает. – Кто сделал запись?

Нико только моргает в ответ. Они оба слышали шум лифта и шаги за дверью.

– Ах, чтоб тебя... – шепчет Нико.

Он успевает выругаться за мгновение до того, как дверь начинает сотрясаться под мощными ударами.

– Откройте! Полиция!

6. Допрос

В полицейском участке Мораталас почти пусто, оставшиеся сотрудники заняты беготней. Никто не отвечает на вопли телефонов.

Фургон высаживает Кармелу и Нико вместе с четырьмя вооруженными полицейскими, которые их арестовали; сразу при входе мужчину и девушку разделяют и помещают в разные комнаты. Кармеле достается маленькая, с одним столом и двумя стульями. Смуглая женщина с собранными в хвостик волосами конфискует ее сумку, заставляет снять пиджак, резинку для волос и туфли, ощупывает и проводит по телу металлоискателем. Уже через пару секунд она забирает и флешку.

Обыск еще не закончен. Кармела стоит, положив руки на голову, когда в комнату входит еще один полицейский. Мужчина без предисловий начинает задавать вопросы, все они связаны с Нико Рейносой. Когда познакомились. Почему Кармела находилась в его квартире. Кто такой Карлос Мандель. У Кармелы нет причин лгать и нет причин вдаваться в подробности. Она объясняет, что художник пригласил ее по телефону и дома передал ей флешку. Она не рассказывает о видеозаписи и считает, что таким образом никого не предает.

Кармела замечает: полицейского вовсе не интересуют ее

ответы. Он с отсутствующим видом записывает их на планшетник. У мужчины такой же встревоженный взгляд, как и у его смуглокожей коллеги. «Им страшно», – понимает Кармела.

Ей возвращают только пиджак и туфли. Ведут в другую комнату, побольше, со столом пропорционально бóльших размеров, с включенным ноутбуком и с Нико Рейносой по другую сторону стола – художник почти не изменился за прошедшие минуты: джинсы, заляпанная красками футболка и черная косуха, добавился только кровоподтек на скуле. По бокам сидят двое полицейских в форме: один низенький и толстый, другой со светлыми усами и бледной кожей, теперь залившейся румянцем. Усатый смотрит на Нико так, точно хочет стереть его с лица земли.

– Привет, Кармела! – Нико ведет себя развязно. – Ты тоже случайно приложилась к двери? Нет? Вот повезло-то. – Художник потирает подбородок и косится на усатого полицейского.

– Что с тобой случилось? – спрашивает девушка, садясь на указанный ей стул.

– Немножко разошлись во вкусах. – Этот приятель держал меня за яйца, а я ответил, что стариками не интересуюсь...

Ответная вспышка ярости затрагивает даже Кармелу: девушка испуганно отшатывается назад. Только Нико продолжает сидеть и улыбаться; усатый выпячивает мускулы и рвется вперед, толстяк вклинивается между ними как барьер.

– Я тебя убью, пидор!

– Прекрати, Херардо... Оставь его! Он же нарочно!

– Еще одно слово, и он получит второй фингал!

– Тебя они не трогали? – спрашивает Нико, словно не замечая стражей порядка.

– Меня обыскали. – Мужчина и девушка обмениваются понимающими взглядами. – Но со мной все в порядке.

Полицейские наконец успокаиваются. Они как будто чего-то ждут. Нико потирает челюсть и улыбается:

– Какие вы нервные, мужики. В мое время мы, черт подери, так себя не вели. Мы обладали демократическим самосознанием...

– Ты никогда не был полицейским, пидор, – кричит усатый. – Все, что ты сделал, – это опозорил своего отца и запятнал честь мундира.

– Но теперь, – продолжает Нико, не обращая внимания на оскорбления, – теперь вы вляпались, верно? Происходят некоторые события, а у вас, долбаков, нет никакого объяснения... Вы только наблюдаете, как порядок сливается в унитаз. И нервишки начинают шалить – что, не так?

– Нико, дам тебе совет, – вмешивается толстячок. – Отвечай на вопросы, сам вопросов не задавай.

– Для вас я «сеньор Рейноса», – поправляет художник. – Не забывай: я ведь не фараон и никогда им не был. Корпоративный дух – это не про меня.

– Корпоративный у тебя разве что зад, – ухмыляется уса-

тый: Кармела догадывается, что он предпочел путь насмешки, чтобы спрятать гнев, уродующий лицо.

– Бездарно работаете, мужики, – определяет Нико. – Прямым отсюда я отправлюсь к своему адвокату, чтобы заявить о пытках и гомофобии, имеющих место в вашем участке. – Досадно лишь, что я не знаю, застану ли своего адвоката, когда выйду... Откровенно говоря, я вообще не знаю, что застану, когда отсюда выйду. Вы уже позвонили семьям?

– Заткнись, – предупреждает толстяк.

– Ладно, только оставьте в покое эту сеньориту. Это я ее впутал. Она тут вообще ни при чем и ничего не знает. Отпустите ее...

– А ты? Что ты знаешь? – продолжает давить усатый.

– Не знаю, что и сказать, приятель. Если я скажу, что ничего, вы мне не поверите.

– Подтвердите ваши слова правдой. – Эту фразу произносит мужчина, только что появившийся в комнате.

Вошедший невысок ростом, на нем темный костюм и коричневый галстук. Его лицо знакомо Кармеле, девушка видела его по телевизору, в подъезде радиостанции «Твоя музыка FM». А теперь она вспоминает, что видела его и раньше. Этот мужчина мелькал в новостях весь день, как анонимный участник трагических событий: сначала Ферруэла, потом радио... Лицо как будто сплющено килограммами ответственности.

– Добрый вечер. Простите за задержку.

– Чтоб меня... Что это за индюк? Ваш адвокат или мой адвокат? – интересуется Нико.

Мужчина в костюме занимает место рядом с компьютером и сразу же начинает стучать по клавишам; слова Нико заставляют его прерваться.

– Под умника косит, – поясняет усатый.

– Я кошу под умника всякий раз, когда полицейские незаконно врываются в мой дом, выволакивают меня вместе с моей гостьей и тащат в участок, чтобы сообщить мне, что я являюсь пидором, – поясняет Нико.

– Это вовсе... – оправдывается толстяк, но мужчина в штатском поднимает маленькую руку.

– Сеньор Рейноса, вы правы. Честно говоря, эти двое дожидались меня, чтобы я все надлежащим образом разъяснил вам и сеньорите Гарсес. Меня зовут Хоакин Ларедо, я работаю в Европоле, отвечаю за Испанское отделение по кризисным ситуациям, и по указанию Министерства внутренних дел мне предписано сотрудничество с Гражданской гвардией.

– «По кризисным ситуациям»... – Нико обдумывает услышанное. – Вам поручено уладить проблему с недовольными, которые на площади Нептуно вступают в столкновение с отрядами по борьбе с беспорядками?

Вежливая понимающая улыбка – единственный признак, что Ларедо улавливает и разделяет (отчасти) иронию Нико.

– И да и нет. Но, боюсь, у нас мало времени. Поэтому я

сразу же перейду к сути проблемы.

– Лучше сказать «возьму быка за рога». Более обиходное выражение.

– Благодарю, сеньор Рейноса. – Еще одна улыбка.

Кармела понимает, что Ларедо переживает куда более сильный стресс, чем все полицейские, вместе взятые, что он достиг той грани, за которой мелкие подколки его даже не задевают. Кармела воспитана в почтении к властям, в страхе перед теми, кто отдает приказы; теперь она охвачена липкой болезненной паникой.

Еще несколько ударов по клавиатуре – и Ларедо поворачивает экран ноутбука. На экране фотография.

– Карлос Мандель. Профессор зоологии и это... это...

– Этологии, – договаривает Кармела.

Ларедо кивает с довольным видом. Он как будто впервые обращает внимание на девушку и теперь расточает любезности:

– Спасибо, сеньорита. Вас не затруднит объяснить, что это за специальность?

– Изучение поведения животных.

– Вот как, поведение животных, – повторяет Ларедо, как будто это ответ на загадку. – А примеры можете привести?

– Только не про фараонов с этого участка, – просит Нико.

– Рейноса... – предостерегает толстяк, но Ларедо делает успокаивающий жест.

Отвечая, Кармела теребит кончики шейного платка:

– Ну... Например, если пчела летает или садится – это ее поведение... Или если группа муравьев отправляется искать пищу. Или брачные ухаживания птиц, миграция китов, забота о детенышах – все это типы поведения... Этолог их изучает и формулирует теории.

– Что ж, отлично, – одобрительно замечает маленький человек, точно преподаватель на устном экзамене. – И Карлос Мандель был в этом деле экспертом.

– Экспертом мирового уровня по поведению насекомых, – подтверждает Кармела.

Ларедо опускает взгляд. Кармеле кажется, что он проверяет ее ответы по записной книжке или по смартфону.

– Учеба в университете Комплутенсе, диссертация в Дейвисе, Калифорния... Там он вступает в связь со студенткой-токсикоманкой, которая впоследствии умирает... В начале девяностых возвращается в Испанию и получает кафедру. Неутомимо путешествует, читает лекции, проводит исследования... Автор книги «Обусловленная свобода». Я помню эту книгу... лет восемь или десять назад о ней много говорили, она вызвала столько споров... Затем Мандель сближается с преступными группировками. Его обвиняют в связи с несовершеннолетней Фатимой Кройер... Вот тебе и эколог.

– Этолог, – поправляет Нико.

– Оправдан за недостаточностью доказательств, – не обращая внимания, продолжает Ларедо.

– А еще потому, что семья Фатимы решила замолчать эту историю, – встречается Нико.

– Ага, так вы ее знаете. – Ларедо заменяет фотографию профессора лицом девушки, очень симпатичной, картинку портят только избыток пирсинга и мешки под глазами. – Я имею в виду Фатиму Кройер. Сейчас ей двадцать пять лет, уже совершеннолетняя. Однако и сейчас является наркозависимой, а помимо этого, она поэт, фотограф и участница незаконного формирования. Нико, вы с ней знакомы?

– Виделись пару раз.

– А вы, Кармела?

– Нет.

– Все ясно. – Ларедо вскидывает брови, как будто участвует в семейной сцене или у него внезапно прихватило живот. – Затем Мандель некоторое время живет с художником... Тут появляетесь вы: Николас Рейноса. Бывший полицейский, служащий Национального бюро по трудоустройству...

– Гомосексуалист и красный, – добавляет Нико, однако на сей раз Ларедо не улыбается.

– Шесть лет назад Мандель оставляет свою работу и друзей. Ему ставят диагноз «депрессия», он проходит курс лечения в... Спустя еще четыре года Мандель надевает петлю на шею в собственном доме. Все верно?

– Вам виднее. – Нико пожимает плечами. – А вот мне бы хотелось узнать, какая, на хрен, связь между Манделем и на-

шим задержанием?

– Успокойтесь... сейчас мы до этого доберемся. – Ларедо разворачивает ноутбук к себе, быстро пробегает по клавишам, а потом поднимает от экрана свои большие голубые глаза, в которых как будто навеки застыл испуг. – Нико... Кармела... Мы подходим к очень деликатному моменту. Можете называть меня Хоакин.

– Очень приятно, Хоакин, – отвечает художник. Ларедо смотрит на него с подозрением.

– Как я и сказал, мы подошли к сложному моменту. К уличным беспорядкам добавились несколько убийств в Мадриде. Мы не знаем, какая между всем этим связь. Дело очень серьезное. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы мне помогли.

Ларедо смотрит на обоих. Кармела ждет, как отреагирует Нико, и кивает, когда кивает он.

– Отлично. Нико, вы узнаете этот предмет? – Ларедо вновь поворачивает экран. Теперь на нем веб-камера, прикрепленная к стволу дерева. Следующий кадр: тот же самый объект, но в хорошем разрешении, помещенный на столе рядом с металлической линейкой, в качестве вещественного доказательства.

– Похоже на веб-камеру, – определяет художник.

– Это она и есть, – заверяет Ларедо. – Модель IP, уже устаревшая, такие передают изображение прямо на компьютер. Ваша камера?

– Моя? Нет.

Ларедо тратит очень ограниченное время на кивок. Но сразу же меняется в лице, как будто каждая секунда для него – это банковский чек.

– Нико, зачем вы поместили эту камеру и еще две такие же на деревья в окрестностях Ферруэлы и когда вы это сделали?

– Я сделал? – удивляется Нико.

– На них ваши отпечатки пальцев.

В наступившей тишине Кармела слышит далекий вой сирен и звонки телефонов. Нико Рейноса чешет свежие рубцы и смотрит в пустоту.

– У меня нет объяснений.

Ларедо снова кивает и дает знак полицейским.

– Уведите их. Но сами ими не занимайтесь. Снаружи ждет моя команда: спросите Де Сото. Пусть они поработают.

Кармела едва понимает, что происходит: она видит, как Нико подхватывают под руки и силой выводят из комнаты.

– Это... право... нарушение... – хрипит Нико.

Ларедо впервые открывает зубы в улыбке, но отвечает все тем же вежливым тоном:

– Ему даже в башку не приходит, какие еще правонарушения мы намерены совершить. Скажите Де Сото, что они нужны мне живые и в сознании.

Усатый полицейский хватает Нико за волосы, его тащат к двери.

– Да бросьте вы, Хоакин, – успеваешь выкрикнуть Нико, поравнявшись с Ларедо. – Я просто медленно говорю... обе-

щаю вам...

– Прекрасно. – Ларедо быстро меняет решение. – Тогда верните сеньора Рейносу на его место, а ее уведите. В ее случае не важно, останется ли она в сознании...

Толстяк, не глядя на Кармелу, тянет ее за локоть, поднимает со стула. Кармела кричит. Стул падает на пол, Нико сражается со вторым полицейским.

– Да вы что, вообще охренели?! – (Его умирят захват усатого, придавивший плечо и горло). – Я скажу, мать вашу! Ну хватит! Расскажу все, что знаю!

Ларедо благодушно раскидывает руки – как продавец, готовый принять от клиента оплату в любой форме:

– Я рад, Нико. Так мы потратим меньше времени. Я уже говорил, что мы находимся в ситуации национальной катастрофы. Конституционные гарантии прав и свобод потеряют свою силу через... – Ларедо сверяется с часами. – Через один час. Президент обратится к народу, и будет объявлено чрезвычайное положение. И комендантский час. В Лондоне уже объявили. Так что, пожалуйста, давайте попробуем... как это? «Быка за рога»? Садитесь и рассказывайте.

Нико Рейноса рассказывает, ни на кого не глядя. Кармеле все-таки не кажется, что он по-настоящему напуган. А вот она – да.

– Два дня назад я получил запрограммированное письмо от Карлоса Мандела. Он поручил мне съездить в одно хра-

нилище ценностей на улице Альберто Алькосер, называется бюро «Корбетт». У них там бронированные ячейки. Мандель предоставил мне полный доступ, чтобы я забрал коробку, которую он поместил на хранение незадолго перед смертью. В коробке лежали три видеокamеры, USB-диск и написанное от руки письмо. В письме Мандель сообщал, что он задумал провести посмертный эксперимент в конкретный день и час и если я получил его мейл, это значит, что воплотить задуманное должен я. Задание состояло в том, чтобы разместить камеры в Ферруэле, в точно указанных местах, до шестого сентября, и оставить их включенными.

– Вы были знакомы с устройством IP-камер?

– Это веб-камеры, которым не нужен компьютер. Они сами обрабатывают изображение и отправляют на IP-адрес. Мандель использовал такие для своих экспериментов.

– Как вы узнали, где размещать камеры?

– В коробке лежала подробная карта. Я должен был повесить камеры на ближайших к указанным местам деревьях и направить в определенную сторону.

– А что потом?

– Сегодня я должен был связаться с профессором Кармелой Гарсес и передать ей IP-адрес, записи с камер, а также флешку. Я решил, что это какой-то этологический эксперимент. И выполнил все инструкции. Позвонил Кармеле, она приехала, я отдал флешку и записи. А потом и вы заглянули на огонек.

Ларедо не отвечает на широкую улыбку Нико.

– Вы смотрели записи?

– Нет, – без запинки отвечает Нико. – То есть я начал смотреть, но это же скукотища: лесные поляны и птички.

– Где находится коробка и письмо Манделя?

– Ой. Я их сжег.

– Сожгли?

– Конечно. Мандель написал, чтобы я прочел и сжег, и, кстати, добавил, чтобы я ни с кем это дело не обсуждал. Знаете, что я подумал? Что по замыслу Манделя все лавры должны достаться одной Кармеле. Что он нашел способ поддержать бывшую ученицу...

Толстенькие пальцы Ларедо барабанят по столу.

– Записи на флешке защищены паролем. Какой пароль?

– Понятия не имею.

– Его не было в письме?

– Нет.

Между ответом Нико и взглядом Ларедо повисает тишина. Чем дольше она длится, тем более виновным выглядит Нико. Наконец Ларедо дает отмашку. Все происходит стремительно. Толстый полицейский снова хватается за Кармелу за руки. Ладони у толстяка такие большие (или бицепсы у девушки такие маленькие), что пальцы его почти смыкаются, как колодки. Кармела покорно сидит, от ужаса она не может ни закричать, ни позвать на помощь, а художник вновь вскакивает с места:

– Ларедо, мать вашу растак, я говорю вам правду! Правду! – Удар усатого отбрасывает его к стене. На мгновение Кармела замечает во взгляде Нико готовность ответить, неудержимую, как тошнота. Но художник сдерживает себя и вместо удара только потирает лицо.

– Может быть, ты и не соврал, пидор, но сквернословить тебе нельзя, – шепчет усатый.

Кроткий Нико держится за лицо. Он говорит из-под кляпа собственной ладони:

– Делайте с нами что хотите, Ларедо. Я рассказал все, что знаю.

– Разве вы не знаете, что одна из камер засняла некую семью за несколько минут до того, как они были изуверски убиты? – резко спрашивает Ларедо.

– Что? – Лицо Нико – живое воплощение растерянности. – Это... то самое жестокое убийство в Ферруэле... сегодня утром? – Ларедо молча смотрит ему в глаза. – Что за хрень... Откуда мне было об этом знать? Я думал, снимать будут животных!..

– Можно сказать и так. Смотря о каких животных мы говорим.

Еще одна барабанная дробь по клавишам, и на экране появляется новое изображение. Это лицо самого неопределенного пола, какое только видела в своей жизни Кармела, считая и нескольких рок-идолов: светлые крашенные волосы, пирсинг, женский макияж. Строение черепа заставляет

предположить, что это все-таки мужчина, но уверенности у Кармелы нет. Красавец или красавица, но в улыбке этих чувственных губ есть что-то недоброе. Лицо показано в профиль и анфас, с номером внизу, как на снимках из полицейского архива.

Нико разом меняется в лице. Он всем телом подается к экрану.

– Вы знаете эту особу? – спрашивает Ларедо.

– Да. – Нико с шумом вдыхает воздух. – Это Логан. По крайней мере, так его называют.

– Так, значит, вы с ним знакомы... – Теперь удивлен и Ларедо – или он хорошо разыгрывает удивление.

– К моему прискорбию, да. Это нежелательное знакомство. На фотографии он уже взрослый, но Мандель был связан с ним и с его бандой лет восемь назад. Они называли себя Стаей, носили маски животных, устраивали ритуалы, вели себя как психи... они были преступники. Но их, кажется, вычислили, а Логана засадили...

– Логан на свободе, – сообщает Ларедо. – Уже год. Мы знаем, что он снова собрал Стаю, есть доказательства, что они похитили семейную пару в Лас-Росас – и, возможно, убили этих четверых из сьерры... Вы и представить не можете, что творят эти чудовища. Мы ищем Логана на земле, на небе и под водой.

– Понятно, – говорит Нико. – Желаю удачи.

– Мандель в своем письме не упоминал о Логане?

– Нет.

Кармела замечает, как переменялся Нико. Если поначалу он как будто владел ситуацией и даже обманывал Ларедо, то теперь он так же растерян, как и она сама.

– Вам ведь понятно, Нико, – продолжает Ларедо, – что, когда мы обнаружили камеры с вашими отпечатками, нам стало уже не до шуток.

– Подождите-ка. – Нико до сих пор не может прийти в себя. – Вы имеете в виду, что видите связь между посмертными экспериментами профессора зоологии и убийствами, которые совершила банда преступников?

– Я, скажем так, могу провести линию, которая пройдет от Манделя к Фатиме Кройер, дальше через Логана и закончится на вас – понятно? – Ларедо прочертил эту воображаемую линию пальцем в воздухе.

Кармела чувствует, что Ларедо с ними не до конца откровенен: вот он закинул замысловатый крючок и проверяет поклевки. Девушка переглядывается с Нико: художник тоже почувствовал эту игру.

– Вы бредите, – говорит Нико.

– Ах вот как... – Ларедо невозмутимо оборачивается к девушке. – А вы, Кармела? Тоже считаете, что я брежу? Ох, как же вы побледнели... придите в себя, Кармела. Мы вас напугали? Себастьян, принеси профессору Гарсес стакан воды... Успокойтесь, Кармела. Если вы говорите правду, а я верю, что так оно и есть, с вами ничего не случится. В каких

отношениях вы состояли с Карлосом Манделем?

Она пытается вернуть себе голос; тучный полицейский выходит из комнаты. Кармела никогда не чувствовала себя такой перепуганной – за исключением некоторых случаев с Борхой. Она знает, что должна говорить правду. Всю правду. В общем-то, она и не хочет ничего скрывать.

– Я была... Училась у него на кафедре. И помогала ему в некоторых работах.

– Каких, например?

Кармела сглатывает слюну. Отчего ей так трудно говорить? Под тонким свитером ее пробирает дрожь.

– Поведение... перепончатокрылых.

Ларедо выражает нелепое восхищение, в то же время уса-тый (Кармела не хочет на него смотреть) отвечает грубым хохотом и замечанием «ё-моё».

– В высшей степени интересно. Успокойтесь, Кармела... Вы очень хорошо отвечаете. Сделаем паузу. Выпейте воды.

Перед ее лицом возникает стакан. Вода холодная, от нее становится легче, но пока девушка пьет, Ларедо подкидывает ей новый вопрос:

– Кто такой Борха Янес?

Кармела снова куда-то проваливается. Потом она понимает, что Ларедо знаком с ее биографией по тому же источнику, из которого он черпает всю свою информацию.

– Мой бывший мужчина.

– Он ведь тоже зоолог?

– Да.

– Вы из одного выпуска? – Кармела кивает и ставит стакан на стол. – Он друг Карлоса Манделя?

– Он тоже учился на его кафедре.

– Ясно. – Ларедо подсматривает в свою электронную шпаргалку. – Вы жили вместе, потом вы на него заявили, теперь ему предписано держаться на расстоянии... Он плохо с вами обходился?

Кармела отводит глаза. Встречает печальный, уставший взгляд Нико.

– Да.

– Ах, мне очень жаль. – По виду Ларедо этого не скажешь. – Вы часто разговариваете?

– Мы с Борхой? Нет...

Ларедо выказывает удивление.

– Разве не так? Его имя – самое частое в списке входящих звонков вашего мобильного, Кармела, да и в вашем домашнем телефоне у него хороший рейтинг...

«Они все проверили», – понимает Кармела. Они приходили к ней домой? Девушка проводит языком по губам.

– Иногда он мне звонит. Я с ним не говорю.

– Агрессор, продолжающий домогательства. Плохо, очень плохо... – Ларедо как будто размышляет над создавшейся ситуацией, но в следующее мгновение снова переводит взгляд на Кармелу. – Почему, как вы думаете, Карлос Мандель выбрал именно вас, Кармела, для передачи всех этих

файлов и записей?

– Я не знаю. Я даже не знала, что он про меня помнит.

– Когда Николас Рейноса сегодня позвонил вам, чтобы поговорить о... «наследии» Манделя, назовем это так... – вы впервые за последние годы услышали о Манделе?

Ларедо задает этот вопрос, разглядывая свои ногти. Кармела не собирается попадать в ловушку и лгать.

– Нет. Сегодня я получила имейл, тоже запрограммированный Манделем.

– Ай да профессор! – Ларедо изображает иронию. – Сил не щадил, отправляя послания в будущее. Это письмо тоже содержало инструкции? – Что-то в его тоне подсказывает, что он и сейчас старается ее подловить. «Ему многое известно», – понимает Кармела.

– Нет. В нем было одно-единственное слово: «Кроатоан».

– Мандель поставил его в тему письма, но не объяснил, что это значит, – добавляет Нико.

– Никогда не слышал такого слова. – Ларедо морщит лоб. – Что оно означает?

Кармела пускается в сбивчивые объяснения, излагает легенду об исчезновении на Роаноке, и в это время Ларедо перебивает ее следующим вопросом:

– Кармела, вы были любовницей Карлоса Манделя?

Секунды перестают идти. Теперь они как застывшие, обращенные к ней взгляды четверых мужчин.

– Нет.

– Черт возьми. – Ларедо удивлен. – Рад наконец познакомиться с человеком, который не спал с этим типом.

Усатый полицейский заходится нервическим смехом. Нико презрительно фыркает:

– И что нам теперь делать, Ларедо? Пощекотать под мышками, чтобы вместе посмеяться над вашей шуточкой? Какой это, на хрен, допрос?

– Такой допрос скоро войдет в норму в стране, которая стоит в шаге от потери гражданских свобод! – раздраженно бросает Ларедо. Его прерывает звонок мобильного. – Простите. – За время короткого разговора лицо его бледнеет еще больше. Ларедо встает, дает односложные ответы, кивает. Повесив трубку, окидывает людей в комнате мутным взглядом, точно не сознавая, что здесь происходит. Кармела понимает, что ему хочется убить всех и каждого. – Я должен идти, – роняет он быстро, почти смущенно. – Отпустите их. Кармен, вашу сумку вам вернут на выходе, однако USB-диск конфискован. Не выезжайте из Мадрида без разрешения.

Не дожидаясь ответа, не слыша, как Нико поправляет: «Кармела», Ларедо быстро выходит из комнаты.

Снаружи уже стемнело, идет дождь. От участка во все стороны разъезжаются служебные фургоны, вооруженные полицейские пробегают мимо Нико с Кармелой. Блики мигалок отражаются во влажном асфальте. Художник поднимает воротник косухи и делает Кармеле знак подойти ближе.

– Спокойно приходишь до угла, – командует он, – как будто мы просто беседуем, а на углу собираемся попрощаться.

Кармела бездумно подчиняется и шагает вперед, неся сумку на плече. Дождь мочит ее распущенные волосы. Ей не вернули резинку – или, может быть, засунули в ее сумку. Дождь и прохлада идут ей на пользу, но полицейская суматоха вокруг действует удручающе. Механический голос за спиной заставляет девушку обернуться. Посередине улицы движется бронированная полицейская машина. Мотор гудит басом, корпус весь черный, фары забраны решеткой – все это придает машине сходство с джипом из какого-то фантастического фильма. Броневик движется со степенностью динозавра, из динамиков летят записанные на пленку команды:

«Всем гражданским лицам. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и оставайтесь дома. Всем...»

Страх – как след от удара кулаком в солнечное сплетение. Что происходит? В участке она панически боялась, что ее начнут бить, но теперь ее тревога гораздо сильнее, и, как видно, встревожена не она одна. На улицах много народу: люди несутся по тротуарам, заскакивают в подъезды. Кажется, они сами не знают, от чего убегают.

Нико не ускоряет шаг, и бронемашина обгоняет их, почти оглушая. Прежде чем мужчина и девушка успевают дойти до угла, им преграждает дорогу полицейский в полном снаряжении. Совсем молодой парень, он даже на них не смотрит:

– Сеньор, внимание! Возвращайтесь домой! Не оставай-

тес на улице!

– Что происходит?

– Беспорядки на Капельяне! Сеньор, идите домой!

– Мы так и собираемся, – спокойно отвечает Нико. – Нам тут недалеко.

Так это или не так, полицейский проверить не успеваает: его рация раздражается треском и парень пробегает между Нико и Кармелой, задев их плечами. Нико поворачивается к девушке и протягивает руку, как будто прощаясь:

– Делай вид, что уходишь, но поглядывай на меня. Когда я дам знак, подходи.

Дождь хлещет все сильнее, асфальт под ногами начинает пузыриться. Кармела ищет укрытия под карнизом и наблюдает, как Нико перебегает улицу и уверенно направляется к красной машине, припаркованной в ряду других. Неужели Нико так удачно оставил свою машину рядом с участком, куда их привезли? Но стоит Нико ухватиться своими мощным руками за переднюю дверцу, как сигнализация взрывается яростным воем, а фары начинают мигать. Нико невозмутимо отходит от машины и направляется к следующей в ряду, белой «тойоте». Теперь он что-то держит в руке – кажется, это ременная пряжка. Вой сигнализации сливается с воем других машин, теперь этот вопль ужаса несется по всему городу.

Дверца «тойоты» открывается мгновенно. Нико садится и подзывает девушку. Когда промокшая Кармела забирается в салон, Нико сидит скрючившись, в пальцах у него два про-

вода, торчащие из-под приборного щитка. Сверкают искры, мотор заводится.

– До того как стать художником, я был полицейским, а еще раньше – преступником, – поясняет Нико, сдавая назад и маневрируя. По улице проезжает еще один фургон, в противоположном направлении пробегает наряд СГО в шлемах и со щитами. – Печально, что тебя так напугали в участке. Уже понятно, шутить они не намерены...

– Не волнуйся, – отвечает она. – Спасибо, что помог. Куда мы едем?

– Ты же не поверила их бредням, будто это Логан и Стая убили семью в горах? Логан способен на многое, и они наверняка его ищут... но я уверен, что тут он ни при чем. Вот совсем ни при чем.

Кармела задумчиво кивает. Ей никак не удастся выбросить из головы эти четыре фигуры: двое взрослых и две девочки маршируют размеренным шагом, как куклы на ниточках. Но теперь Кармела соединяет с этой картиной и другое воспоминание: стая голубей, испражнившихся над крышей ее дома. Неужели все это может быть как-то связано? Что вообще происходит?

– Я не поверила и четверти из того, что он нам наговорил, – отвечает Кармела.

– Я тоже. Это не было простое убийство. А здесь – не просто уличные беспорядки. Что-то меняется. Напрочь меняется. И думаю, Мандель знал, в чем тут дело.

– Но у нас нет его флешки. Ты успел скопировать?

Нико не подчиняется знаку «Уступите дорогу», машина летит к следующему перекрестку.

– Я пробовал, но копирование оказалось невозможно. Мандель был очень предусмотрительный дядька. Ай, чтоб тебя!.. – Нико резко бьет по тормозам. Полицейский кордон перекрыл улицу впереди, хотя машин и так мало. Нико крутит руль и уходит в узкий проулок. – Если это правда насчет комендантского часа, нужно как можно скорее выбираться из Мадрида...

– Почему? Куда мы едем?

– Кармела, я уверен, что есть и *другая* копия. Все, что я рассказал Ларедо, – это правда: письмо, камеры... Но это не вся правда. Мандель писал, что готовит сообщение еще и для Фатимы Кройер, той девочки, которая была с ним несколько лет назад. Я хочу найти Фатиму, и ты тоже мне нужна: кажется, ты единственный человек, способный расшифровать эти файлы.

– У Фатимы есть копия?

– Не знаю, но надеюсь. Плохая новость в том, что сегодня я позвонил ее сестре и она сказала, что Фатима вчера легла в психиатрический центр для детоксикации. Но я знаю, где ее искать: это та же лечебница, в которой лежал Мандель.

– Тогда, возможно, у нее и нет никакой флешки...

– Возможно, но Мандель просил меня защитить и ее – как и тебя. И я это сделаю.

– Защитить нас... Но от чего?

Художник включает дворники и дает самый расплывчатый ответ:

– От всего этого.

7. Манифестация

Вертолет «Bell» опускается над крышей участка ровно настолько, чтобы пятеро членов команды Ларедо и сам Ларедо сумели в него забраться. Оливеру и Де Сото приходится втягивать Ларедо на руках – из-за наметившегося брюшка. Он боится громких звуков и чувствует себя смешным, нелепым и ненужным среди этих мускулистых ребят. Пиджак его уже пахнет потом, а в придачу и прелой соломой – так несет от влажного белья. Ларедо еще не успел пристегнуться, а вертолет мощно, одним рывком взмывает в воздух, раздвигая потоки дождя лопастями винта.

Путешествие, вообще-то, предстоит недолгое: они должны приземлиться на площади Кастилии, где собраны основные части СГО.

Люди Ларедо (ему такое наименование кажется смешным, похоже на «Ангелы Чарли») используют время перелета, чтобы проверить экипировку и отдохнуть под этот ужасный грохот. Дождь немилосердно сечет аппарат, стремительно летящий к точке назначения, однако внутри просторной кабины с шестью сиденьями по бокам и тремя дополнительными позади никому нет до этого дела. Ребята веселятся и подкалывают друг дружку. Бюст приглаживает коротко стриженные черные волосы, Де Сото потягивается, наводняя кабину запахом крепкого тела, француз Оливер с пижонским

высокомерием причесывается, Лопе продолжает хмуриться, а Мавр (по-видимому, марокканец) молча сидит, прикрыв глаза.

Ларедо достает смартфон и набирает в видеочате своего шефа, Хакобо Агирре, брюссельским заместителем которого является Вассенир. На экране появляется лицо Агирре – худое, с густыми черными бровями, которые по контрасту с бледностью изображения придают ему сходство с вампиром. Шеф вовсе не рад звонку. И Ларедо тоже.

– Слушаю, Ларедо.

– Я лечу к площади Кастилии. Точнее, мы уже подлетаем.

– Очень хорошо... – Лицо Агирре уходит с экрана, потом возвращается. – Вам, вероятно, уже сообщили, что дело вышло из-под нашего контроля. Мы эвакуируем королевскую семью и президента... Кстати, одна моторизованная часть выдвинулась с базы Эль-Голосо. Ждите ее меньше чем через час. Командир у них капитан Пасос. Сообщите, что происходит на площади Кастилии. Ларедо, мне пора...

– Сеньор, прошу извинить. Я допросил этого художника.

– Художника? Какого художника?

– Николаса Рейносу. Того, что устанавливал веб-камеры там, где было происшествие с семьей Химено.

– Ах да, Рейноса...

– Кажется, он это сделал по команде своего друга, профессора Карлоса Мандела.

– Не слышал о таком.

– Биолог. Несколько лет назад был знаменит. Покончил с собой, но оставил письма своим друзьям, чтобы они получили их в определенные дни. Он разослал слово «Кроатоан» – это из древней легенды об исчезновении людей – на адреса сотрудников Мадридского центра экосистем, а также своей ученице, Кармеле Гарсес... А Рейносе он послал какие-то файлы для передачи Кармеле Гарсес, но мы до сих пор не знаем, что там, они защищены паролем. Мои люди над этим работают.

– Хорошо, держите меня в курсе...

– Простите, сеньор, теперь самое любопытное. – Ларедо торопится договорить. – Самое любопытное: все, что в моих источниках связано с Карлосом Манделем, – это закрытая информация... И не только он, но и его друзья: Рейноса, профессор Гарсес и некая Фатима Кройер. И это еще не все. Логан, преступник, разыскиваемый полицией за похищение в Лас-Росас, а также подозреваемый в убийстве семьи в Ферруэле, тоже знал Карлоса Манделя, и информация о нем тоже закрыта... Почему?..

– К чему вы клоните, Ларедо? – раздраженно перебивает Агирре.

– Вот к чему: я знаю, что этот Мандель был специалист по животным – не по токсическим соединениям, не по вирусам, но в сьерре мы обнаружили сорбк, заклевавших друг друга до смерти, а на радиостанции – два кошачьих трупа... Мне передают сведения о птицах, кабанах, крысах, китах...

Считаю вероятным, что этот Мандель имел представление о том, что здесь творится. И я подумал: не могли бы вы получить для меня допуск к засекреченной информации – быть может, через Национальный разведывательный центр...

Агирре рассеянно соглашается:

– Я попробую, хотя и не понимаю, как может быть причастен ко всему этому какой-то этолог. Мне нужно...

– Есть ли известия по Случаю-Э, сеньор? – Ларедо ерошит мокрые волосы. Он вежлив, но настойчив и не дает завершить разговор.

– Команда РХБ-защиты все забрала в Торрехон. Насколько мне известно, без изменений.

– Но может быть, они уже обнаружили токсин или вирус...

– Мне об этом неизвестно. Хоакин, очень жаль, но я не могу больше говорить, мне звонят.

– Каким может быть наше следующее задание, сень...

– Обсудим позже.

Ларедо утыкается в синий экран с надписью «Видеозвонок завершен». Как будто он задавал свой последний вопрос иконе или таинственному оракулу – ответа ждать бессмысленно.

Вот он, тот самый дерьмовый день, когда судьба решила использовать Хоакина Ларедо в качестве подопытной крысы и поэкспериментировать с законом Мерфи.

На самом деле его предупредили семьдесят два часа на-

зад. И даже не Агирре, а его зам, Жак Вассенир, парижанин неполных тридцати лет, сидящий в кресле Агирре в Отделе кризисных ситуаций в Европоле Брюсселя – города, где Ларедо проживал вместе с женой и двумя детьми. Пижонистый юнец обрисовал ему ситуацию только в общих чертах. Более опытный Ларедо почувствовал, что Вассенир разбирается в этом деле не лучше его, только важничает для виду. Противнее всего было наблюдать, как Вассенир соединяет между собой подушечки пальцев, демонстрируя безупречный маникюр. После краткого инструктажа француз подтолкнул в сторону Ларедо планшет с запароленной информацией.

– Здесь все подробности. Ты не можешь забрать это с собой, но не торопись, прочти все, что тебе нужно, в моем присутствии.

Бегло проглядев содержимое, Ларедо перевел взгляд на француза, укрытого за треугольником, который образовывали на столе его руки с длинными пальцами.

– Вы что, шутите? – резко бросил Ларедо. – Уровень А, зашифровано, неизвестно, секретность сто и не-П? – Кодировка «не-П» являлась эвфемизмом, подразумевавшим, что известными средствами угрозу невозможно предотвратить. Хочешь не хочешь, парень, скоро ты попадешь под дождь из дерьма и никакой зонт тебя не спасет. Но в этот раз дерьмо будет еще и отравленным. – Что за херня там случилось? Призрак бен Ладена засыпал в канализацию сибирскую язву? Жак, что происходит?

Вассенир в порядке исключения разорвал свой треугольник и начал жестикулировать. Его ответ был длинным и сбивчивым. Возможно, это токсин, возможно, вирус или же чернобыльская радиация. Известно только, что проблемы начнутся через два дня в нескольких точках Европы и Хоакину Ларедо предстоит заняться центром и югом Испании. Ларедо испугался, когда осознал, что Вассенир изображает уверенность, хотя на самом деле никто ничего не знает. А еще ему не понравились некоторые фразы в отчете («Последствия случившегося представить сложно...», «Ожидается нетипичное поведение со стороны представителей различных групп, включая немотивированное причинение ущерба другим людям или самим себе»), но Ларедо получал деньги (и немалые) как раз за то, чтобы не работать, пока что-нибудь не начнет происходить.

Подстава заключалась в том, что, когда что-нибудь начинало происходить, работа была дерьмовая. На следующий день Ларедо рано утром вылетел в Мадрид. Перед этим он поцеловал спящих детей (восьми и пяти лет) и сонную жену и пробежал под ливнем к служебной машине, ожидавшей у двери его брюссельского дома. Его первый день в Испании не принес ничего более тревожного, чем поражение «Реала» от «Валенсии» на стадионе «Сантьяго Бернабеу» со счетом 1:4; дело было действительно серьезное, но не по части Ларедо. А вот следующий день – этот, сегодняшний – принес дело семьи Химено и разрозненные донесения о событиях

в Хаэне, Толедо и Мадриде. Манифестации вспыхивали на пустом месте. Но и это было не худшее.

Худшее, сеньор Ларедо, руководитель Испанского отдела кризисных ситуаций, это то, что ваши люди обнаружили на деревьях в Ферруэле: веб-камеры, заготовленные покойным профессором два года назад.

Неким типом, к данным которого у Ларедо нет доступа.

Сеньор Ларедо, откуда у вас в поджилках ощущение, что вас наняли делать эту работу на условиях массовой в боевике?

«Они это предвидели. Предвидели заранее, что бы мне теперь ни плели. Они знают больше, чем говорят» – вот о чем думает Ларедо.

Он отрывается от экрана, под ложечкой сосет: вертолет спускается. Сидящий напротив колумбиец Де Сото стащил с себя доспехи и футболку, чтобы обтереть тело. Ларедо упирается взглядом в его смуглый торс.

– Есть новости, начальник? – насмешливо интересуется здоровяк.

– Мало.

– «Отсутствие новостей – хорошие новости», – выдает Де Сото, а Бюст лупит его по бицепсу; Ларедо подозревает, что ему самому подобный удар грозил бы вывихом плеча.

– Идем на посадку, – объявляет из застекленной кабины второй пилот.

Косой силуэт Башен КИО⁵ в иллюминаторе напоминает небоскреб за секунду до обрушения. Искривленная архитектура падающего города. Ларедо, сам не зная зачем, вытирает запотевшее стекло, и теперь ему видны гордые тени четырех других финансовых башен, совершенно нелепых на фоне этого побежденного города. А потом Ларедо задает вопрос сидящему справа Лопе:

– Сколько у тебя знакомых этологов?

Лопе, страшный ацтекский идол, поворачивается к нему всем телом:

– Чего?

– Этологи. Знаешь, что это такое?

– Это вроде... народ в Турции? – включается Де Сото, и в первый момент Ларедо принимает его слова за шутку.

– Это кто вино пробует? – спрашивает Лопе.

– Ладно, я тоже ни одного не знаю, – признается Ларедо.

– Ты это к чему? – Бюст подается вперед. «Они с Мавром тут самые хитрые», – вычисляет Ларедо.

– Из любопытства, – туманно отвечает он.

Разумеется, никаких подробностей. Для них это не важно. Но Ларедо слышал слова Агирре и знает, что его шеф, возглавляющий Испанское отделение Европола, не из тех, кто интересуется всем на свете. «Не понимаю, как может быть

⁵ Башни КИО – башни-близнецы, которые образуют так называемые Ворота Европы, также известны как Башни КИО (Torres KIO), поскольку их построили по проекту данной компании – Kuwait Investments Office.

причастен ко всему этому какой-то *этолог*». Сам Ларедо не произносил этого слова, а еще он уверен, что оно не возникло в их предыдущих разговорах с Агирре, когда речь заходила о веб-камерах.

– И в чем оно? – не унимается девушка, наклоняясь к нему, уперев локти в коленки; ее грудям тесно в футболке, но туда Ларедо смотреть не хочет.

Де Сото отвечает за него:

– В том, чтобы ты не задавала вопросов, проשמандовка.

– Заткнись, недоделанный.

Следует обмен тычками. У Ларедо такое ощущение, что в руке у него поводок, а на нем – пять неукротимых зверей и ему не хочется их отпускать. Сейчас они – его единственная гарантия.

Это как бросить камень в муравейник. Черные фигурки, ожидающие «Bell», расчищают площадку рядом с памятником Кальво Сотело. Место посадки заставляет Ларедо вспомнить о Гражданской войне. Конечно, все похоже. «Только еще хуже», – мысленно добавляет он.

Силы, из которых состоит двойной кордон, отделяющий площадь Кастилии от бульвара Кастельяна, – это четыре взвода СГО под командованием старшего инспектора Элорсы. Оборонительную линию усиливают несколько бронемашин VAMTAC и два бронетранспортера UR-416. Фары вращаются, и все похоже на безумную дискотеку под дождем.

Бойцы выстроены в шеренги, все в касках, с форменными щитами, в бронежилетах. Сквозь щели своих доспехов они смотрят на пустынный бульвар Кастьяна. На этом горизонте не видно ничего плохого и ничего хорошего. Слышен лишь отдаленный вой сирен, теперь заглушенный лопастями вертолета, который опускается на площадь с грацией неведомого мастодонта, в шуме мотора и слепящем блеске огней.

Напряженное ожидание уже нанесло ущерб людям Элорсы и самому Элорсе, теперь он стоит перед Ларедо, как перед врагом. Командир – высокий, с густыми усами. На голове у него не каска, а шапочка. С лица Элорсы свисают телефонные проводки и капли дождя. Он протягивает Ларедо свою ладонь, обернутую водонепроницаемой тканью *gore-tex*.

– Очень приятно, сеньор. Инспектор Элорса.

– Да, мы говорили по телефону. Что тут происходит?

– Все хорошо, встали и ждем. Единственное, чего у меня не получается, – это связаться с группами авангарда. Надеюсь, это какие-то проблемы с приемом. – Словно желая подкрепить свои слова, Элорса включает и выключает микрофон. Слышен только треск.

– Ясно, – говорит Ларедо.

– Другого объяснения быть не может, силу никто не применял. – Элорса изъясняется выкриками: дождь поредел, но все еще идет, вокруг звуковой хаос из сирен и моторов. Инспектор выглядит счастливым, точно кокаинист, занюхавший дорожку.

– Они идут без оружия, – добавляет помощник Элорсы. – А некоторые даже голяком.

– Как это? – Ларедо притворяется удивленным.

– Судя по картинкам, так оно и есть, – с удовольствием рапортует помощник. – Ради своего протеста они готовы искупаться...

– Все верно, там целая толпа, – говорит Элорса. – Не знаю, откуда их столько.

– Люди выскакивали из окон. Жильцы. Прохожие. Все кто ни попадя, – добавляет помощник.

– Ясно. – Ларедо надоели эти стереозффекты. Он молча смотрит на второго полицейского, пока наконец Элорса его не представляет:

– Самора, младший инспектор. – А потом командир кричит: – Я так понимаю, это все с перепугу. Нарушителей столько, что и мы тут все пересрались. А страх может привести и к жертвам.

– Стреляйте по ним, – говорит Ларедо, подходя к первому кордону.

– Простите? – Элорса растерянно трусит следом.

– Стреляйте. Не давайте им приблизиться. Что вы собирались использовать?

– Согласно инструкциям...

Ларедо круто разворачивается на месте.

– Что вы собираетесь использовать? – настойчиво повторяет он.

– Тальк, – отвечает Самора.

– Что?

– Так мы называем газы, – поясняет Элорса. – Первый залп – слезоточивым, так мы их останавливаем, на открытом пространстве это безвредно.

– Прекрасно, ударьте газом по первым рядам, а потом стреляйте.

Элорса придерживает его за рукав. Он сообщает Ларедо на ухо, как будто раскрывая постыдную тайну:

– Послушайте, это гражданские лица, без оружия.

– Это не демонстрация. – В сверкании фар и прожекторов Ларедо смотрит на полицейского почти без жалости. – Это... стихийное бедствие. Нечто вроде... заболевания. Пока еще ничего не известно наверняка. Среди них есть животные? Кошки, собаки?..

Никакого ответа, старший инспектор молча заглядывает ему в глаза. Самора достает планшет и, сняв перчатку, нажимает на экран.

– А как вам кажется?

Снимки сделаны с воздуха, с большой высоты. И все-таки они вполне четкие. Самора листает изображения, пальцами увеличивая отдельные фрагменты. Ларедо различает головы и плечи обнаженных людей, а между ними – большие вытянутые объекты, состоящие из хребтов, шерсти и морд. Сначала ему кажется, что это крысы, но для крыс они слишком велики. Очевидно, это собаки разных пород.

Но что они делают? Если не было прямых нападений, что же им нужно?

Ларедо изучает снимки, по планшету ползут капли дождя. Самора вытирает экран форменным рукавом.

– И по животным тоже стреляйте, – говорит Ларедо. – А главное, не давайте им приблизиться. Никому.

Самора готов ко всему, а вот его командир остается где-то за скобками. Он как будто не помещается в общее целое.

Ларедо выходит за первый кордон и всматривается в автомобильный туннель в конце бульвара.

– При всем уважении, сеньор, – не отстает побледневший Самора, – вам известно, сколько у меня тут людей? Сеньор, у нас тут четыре взвода. Две сотни душ. И ждем еще пятый. А там идут безоружные люди, ну и с ними собаки. Гранаты и пули могут...

– Сначала газ, потом стреляйте. Элорса, у нас чрезвычайная ситуация. Войска присоединятся к вам примерно через полчаса. Вы должны их только притормозить.

– Ну конечно, мы их притормозим. Только, вашу мать, не стрельбой – у меня такого приказа не было.

– Теперь есть, – раздраженно обрывает Ларедо.

Треск в микрофонах. Голоса в пустоту. Радио больше не нужно Ларедо. Крики бегут по ряду бойцов, как огонь по фитилю.

– Вон они!

– Идут, идут!

– Стройся!

– Сомкнуть ряды!

Элорса отходит от Ларедо, в руках у него микрофон.

– Первый и второй взвод, по местам! Командирам взводов приготовить тальк. Штатное предупреждение: одно.

– Ни о чем не предупреждайте, – командует Ларедо, обращаясь, скорее, к младшему инспектору, который кажется ему более понятливым. – Сначала газ, потом огонь на поражение.

Элорса переглядывается с Саморой. Старший инспектор, презрительно скривившись, отходит в сторону.

Команды эхом прокатываются по рядам спецназовцев, бойцы поднимают щиты. Но когда команды замолкают, остается кое-что еще: тишина. От которой волосы встают дыбом. Тяжелая тишина рождается из ночного воздуха, ползет между фонарями и ярко освещенными домами, где жильцы и даже служащие, запертые на своих рабочих местах, ждут от полицейских решения проблемы. Манифестанты, возможно, и негодуют, но шума не поднимают. И вот, когда команды заканчиваются, создается впечатление, что инструкций все-таки не хватает.

Но если там столько собак – почему они не лают? Ларедо их даже не видит, он вмурован в стену из бронежилетов и щитов.

Взглянув на младшего инспектора, Ларедо обнаруживает кое-что и в нем. Блеск в маленьких глазках, хитрость и по-

нимание под форменной выправкой.

– Что, действительно надо стрелять? – часто моргая, уточняет Самора.

– Да. Как можно скорее.

«Внимание! – кричит кто-то, возможно Элорса. – Штатное предупреждение!»

– Что... что с ними? – по-свойски интересуется Самора. И тотчас продолжает, как будто Ларедо ответил одним своим видом: – Они как зомби из кино, да? Вот кто они такие, да? «Зловещие мертвецы» и все такое... Это же вирус, точно?

Теперь Ларедо уже не может ни подтвердить, ни опровергнуть эту теорию.

Это может быть все, что угодно. Ему не так важно, что это такое, гораздо важнее, что *может об этом знать* его начальство.

– Да, что-то вроде, – откликается он, чтобы утихомирить бедолагу.

Но и это его больше не беспокоит. Контроль над его головой внезапно берет одно-единственное неколебимое убеждение, откровение сродни религиозному.

«Я должен отсюда выбраться. Хоть через жопу». Ларедо намерен уйти, не возбуждая подозрений. Отступление, дезертирство. Он смотрит на Самору, тот медленно кивает с видом сообщника.

– Это все, что я могу вам сообщить, – добавляет Ларедо.

– Я мог бы и сам догадаться... – бормочет полицейский. –

Разрази меня гром, я всегда верил, что зомби существуют на самом деле!

«Они приближаются... Их сотни... Тысячи...» – передают по рации.

«Двадцать метров. Дистанция для предупреждения...» – вторит другой голос.

– Стреляйте при первой возможности, – подводит итог Ларедо, оставляя младшего инспектора согласно кивать в плену первобытных страхов перед ходячими покойниками, а сам отступает по площади в сторону вертолета, обходя спецназовцев, застывших в положении «на изготовку». Дождь превратился в тончайшую морось.

«Они не торопятся... Все шагают в такт...» – доносится из очередной рации. Ларедо видит «Bell» с готовыми к старту пилотами, видит своих ребят, стоящих вокруг, словно на страже. С каждым шагом Ларедо все больше уверяется в необходимости бегства.

Еще какие-то десятки метров. Не торопясь.

«Жильцы из близлежащих домов выходят, чтобы присоединиться к манифестантам», – скрипит голос из рации полицейского, мимо которого проходит Ларедо. *«Предупреждение!»* – кричит кто-то. *«Предупреждение!»* – подхватывает целый хор. Сводный оркестр мегафонов гремит, как военные трубы: **«ВНИМАНИЕ! НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ ДОМОВ. ПОВТОРЯЕМ: НЕ...»**

И в этот момент многоголосый вопль заставляет Ларедо

остановиться и обернуться. Он сразу понимает, что это вопят сами спецназовцы. Стоящий рядом с ним веснушчатый парнишка уставил глаза в одну точку, лицо его перекошено от ужаса.

– Капец, – говорит полицейский.

Ларедо смотрит. И сам себе не верит.

Из освещенных домов – из каждого окна, с каждого балкона – сыплются люди. Перегибаются в поясе и падают вниз. Старики, взрослые обоих полов, подростки, дети, малыши. В одежде и без. Они как дождь во время дождя, как мусор, высыпаемый на улицу чересчур усердными уборщиками, как фишки из доигранной до конца игры. Падающие соблюдают тишину и спокойствие, никаких лишних телодвижений – только самое необходимое, чтобы согнуться и перекинуться вниз.

Но даже не падение как таковое отзывается в Ларедо чистой нотой беспримесной паники. Дело в том, что человеческие осадки не выпадают все сразу: в этой капели присутствует определенный порядок. Сначала – самые последние окна самых отдаленных домов, приближаясь ряд за рядом, и это продвижение неудержимо. Краны самоубийств открываются последовательно, от подъезда к подъезду.

Приближаясь к площади.

– Господи, капец... – говорит полицейский.

Ларедо бросается бежать.

К счастью, пилот его заметил и уже запустил моторы.

– Куда? – кричит второй пилот, пока Ларедо и его люди поднимаются на борт.

– В противоположном направлении! – кричит Ларедо в ответ.

Несмотря на то что вертолет трясет, как на ярмарочной карусели, никто не обращает внимания на ремни безопасности.

Де Сото, Бюст и Лопе напирают на Ларедо, борясь за место перед иллюминатором. Ларедо тоже прилипает лицом к стеклу. Пока «Bell» поднимается, он смотрит, как первая волна демонстрантов, в которую вливаются стройные ряды жильцов из соседних подъездов, выходит из туннеля и подступает к первому кордону. Ларедо различает облачка слезоточивого газа, а потом облачка иного рода. Ему ничего не слышно, но это должны быть очереди винтовок Н&К. Слишком поздно, инспектор Элорса. Вертолет еще не успевает набрать высоту, как картина меняется. Относительное спокойствие в рядах полицейских уступает место волнообразному движению, а телесный цвет манифестантов как будто накрывает спецназовцев своим ковром. У Ларедо это вызывает ассоциации с костяшками домино: вот они были черного цвета, а теперь валяются и видна только белая сторона. Все смешивается в единую одноцветную массу, которая упрямо ползет вперед по площади и бульвару.

– Ё-моё, вы видели? – Это голос Лопе. – Ё-моё, эти придурки, вместо того чтоб стрелять, присоединяются к осталь-

НЫМ...

– Что за херня... – бормочет над ухом Де Сото. – Что у них там...

– Они заразились, – говорит Оливер.

Ларедо видит кровь на руке. Он тупо таращится на свою ладонь. Поцарапался, когда залезал в вертолет. Ларедо лижет рану и решает, что делать дальше.

– Де Сото, вы пометили профессоршу?

– Конечно, начальник. Как вы и велели. Для большей гарантии два жучка: правая туфля и мобильник.

– Художник угнал «тойоту»-внедорожник, она подсела к нему, – сообщает Бюст, пристегивая ремень. – Мы следили, но их не трогали, как вы и сказали.

– Прекрасно, и куда они едут?

Де Сото сверяется с планшетом.

– На север, по второстепенной трассе.

Никто не приказывал Ларедо поставить жучки на вещи Кармелы Гарсес, но теперь он рад, что так поступил. В нем крепнет уверенность, что профессор Мандель попытался им что-то сказать, но в одиночку, не зная пароля от файлов, Ларедо мало что может сделать. И все-таки зачем Мандель отправил им эту информацию, если ничего, кажется, уже нельзя исправить?

Нужен ключ, – рассуждает Ларедо. Только получив ключ, еще можно защититься или, по крайней мере, попробовать. Токсин? Маловероятно. Вирус? Возможно. Но эта зловещая

очередность самоубийств, этот математический порядок в прыжках с балконов, это гнетущее стерильное молчание... Семья Химено и сотрудники радиостанции, обнаженные, изрубленные до неузнаваемости, со следами укусов, разрывов, со вскрытыми органами и переломанными костями... И то же самое с котами и сороками: бои без правил среди слепцов, пожираемых чудовищем с неконтролируемой – но молчаливой и холодной – яростью. Вот что хуже всего. Они убивают друг друга, или выбрасываются из окон, или вместе движутся вперед, или скидывают одежду. Но все это молча. Без слов, без жестов. Интуиция подсказывает Ларедо, что это еще не все. Есть еще нечто потаенное, непохожее на все, что возможно помыслить или вообразить. Какой-то переворот, перемена знаков на магнитных полюсах земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.